

МИРА ВЛАДИ

РАЗВОД
С ДРАКОНОМ

(НЕ)ЛЮБИМАЯ ЖЕНА ГЕНЕРАЛА

Мира Влади

**Развод с драконом.
(не)любимая жена генерала**

«Литнет»

2025

Влади М.

Развод с драконом. (не)любимая жена генерала / М. Влади —
«Литнет», 2025

– Я генерал империи! Мне нужен наследник, а не бесплодная женщина! Есть традиции и законы и ты их прекрасно знаешь. Если жена не может дать дракону наследника, ее заменяют другой. И я нашел тебе прекрасную замену. Ты мне больше не нужна! Дариан повернулся к лестнице, ведущей в нашу спальню, и крикнул слугам:– Соберите её вещи! Всё, что принадлежит ей, — вон из моего дома! Она уезжает. Сегодня же!

муж, выгнал меня из дома после очередного выкидыша. Только...

Я не опустила руки, начала жизнь сначала и тогда он вновь появился на моем пороге. Простить? Никогда! И пусть он не смеет смотреть так на мою дочь. Она — только моя. И что с того, что она так похожа на него? ИСТОРИЯ ТИРОНА И ЭЛИНЫ

выходит в рамках литмоба «В разводе с драконом». Читай другие истории тут

© Влади М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	40
Глава 16	43
Глава 17	46
Глава 18	49
Глава 19	52
Глава 20	54
Глава 21	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1

– И этот не прижился, госпожа Полиана.

Старый лекарь Гедрик покачал головой. Он смотрел на меня взглядом полным скорби, а его скрипучий голос до сих пор звенел у меня в ушах.

«Этот...» Он говорил о моем нерожденном ребенке так бездушно, что меня это задело.

Я резко открыла глаза. Чернильная тьма спальни не пускала свет, но сквозь щели в тяжёлых шторах пробивались тонкие лучи солнца.

Меня нещадно морозило. Я лежала на широкой кровати, с ощущением что меня придавило каменной глыбой. Не только физически, но и морально.

Прошлой ночью боль терзала меня, как дикий зверь.

Третий.

Это был третий ребёнок, которого я не смогла даровать Дариану. Третий удар, вбивающий клин между мной и моим мужем. Между мной и этой проклятой империей, которая требовала от меня наследника, видя лишь сосуд для продолжения знатного рода.

В бессилии сжала край одеяла. Я хотела кричать, выть, разбить свой резной туалетный столик вдребезги, но сил не было. Остались только слёзы. Горячие и солёные, они катились по моим щекам, оставляя мокрые следы.

Я не могла позволить себе большего проявления эмоций. Ведь я — леди, жена самого генерала...

Тем более в этом поместье каждый стражник и слуга смотрели на меня с жалостью или, что еще хуже, с презрением.

«Пустая», — шептались они за спиной, думая, что я не слышу.

«Пустая жена, не способная дать наследника. Еще пару лет и ее сошлют в монастырь».

Но самым худшим было то, что я сама начинала в это верить. Пустая. Бесполезная. Недостойная Дариана, моего Дариана, чья любовь была единственным, что держало меня на плаву в этом море отчаяния.

И здесь с улицы донёсся стук копыт.

Прислушиваясь, приподнялась на локтях. Сердце забилося чаще, кровь прилила к щекам.

Дариан приехал!

Я знала, что он на службе у императора и вернется домой не раньше чем через месяц. И несмотря на это, я всё равно ждала его с нетерпением. Без него этот дом казался пустым и тоскливым.

Игнорируя боль, что пульсировала внизу живота, с трудом поднялась с кровати. Ноги дрожали, но я подошла к зеркалу. Там я увидела бледную женщину с заплаканными глазами. Мои золотые локоны были спутаны и выглядели тускло.

Попыталась пригладить волосы, ущипнула себя за щеки, чтобы вернуть хоть каплю румянца. Не хотела, чтобы он видел меня такой слабой и сломленной.

Я должна быть той Полли, которую он любил, той, что заставляла его улыбаться даже в самые тёмные дни.

Дверь внизу хлопнула, раздались его стремительные, тяжёлые шаги. Он шёл не так, как обычно. Я прекрасно знала мужа и могла угадать его настроение даже на расстоянии.

Дариан всегда двигался с грацией хищника, уверенного в своей силе. Но сегодня... Сегодня поступь его была резкой, злой, словно муж был ужасно чем-то разгневан и готовился к скандалу.

По спине пробежал озноб. Что-то не так в Империи? Ледяные драконы расторгли мир? С Тироном поругался?

Что-то явно было не так.

Я накинула шёлковый халат, дрожащими пальцами завязала пояс и поспешила к лестнице в главный холл.

– Дариан, любимый? – позвала ласково. – Ты вернулся?

Муж стоял в центре холла, его высокая фигура казалась тёмной тенью на фоне витражных окон, через которые лился разноцветный свет. Плащ, покрытый дорожной пылью, был небрежно брошен на спинку кресла, а тёмные волосы, обычно аккуратно зачёсанные, теперь падали на лоб, закрывая глаза.

Лица его я не видела, но что-то в его напряжённой позе, заставило моё сердце тревожно сжаться.

– Милый, – вновь окликнула его, спускаясь по лестнице. Мрамор охлаждал босые ноги. – Я так ждала тебя...

Дариан резко повернулся, и я замерла на полпути. Обычно тёплые глаза мужа, наполненные нежностью, сейчас были холодными, злыми, и горели чем-то, чего я никогда раньше не видела в них по отношению ко мне.

Гнев? Презрение?

Губы мужа искривились в усмешке, но она была не той, что заставляла моё сердце трепетать. Это была жестокая, почти звериная гримаса.

– Ждала? – хмыкнул он надменно. – И чего ты ждала, Полиана? Чтобы снова рассказать мне, как моя жена потеряла нашего ребёнка? Ты не можешь вынашивать детей, даже корова с этим справится. Ты — моё самое большое разочарование.

Я задохнулась, словно он ударил меня. Вцепилась покрепче в перила, чтобы не упасть. Не могла поверить, что это говорит мой Дариан, который клялся любить меня до конца своих дней.

– Дариан, что ты... – начала я, но он перебил меня, шагнув ближе.

– Хватит, Полли! – рявкнул он, и я невольно отступила назад. – Я устал от твоих слёз, от твоих оправданий, от твоей... бесполезности! Ты думаешь, я могу вечно прикрывать тебя перед империей? Перед всеми, кто ждёт от меня наследника? Ты — пустая, Полли! Есть традиции и законы и ты их прекрасно знаешь. Если жена не может дать дракону наследника, ее заменяют другой. И я нашел тебе прекрасную замену.

Глава 2

У меня словно пол ушёл из-под ног. Глаза моментально наполнились слезами, но я не могла отвести взгляд от лица мужа.

Это был не он. Не мой Дариан, который целовал мои пальчики и шептал, что я — его душа. Это был кто-то другой, чужой, чьи слова рвали меня на куски.

Я открыла рот, чтобы возразить, спросить, что с ним произошло. Но он не дал мне и слова сказать.

— Ты думала, я буду вечно терпеть это? — продолжал Дариан, громче и резче. — Я генерал империи, Полли! Мне нужен наследник, а не слабая, бесплодная женщина, которая тянет меня вниз! Ты мне больше не нужна!

Он повернулся к лестнице, ведущей в нашу спальню, и крикнул слугам:

— Соберите её вещи! Всё, что принадлежит ей, — вон из моего дома! Она уезжает. Сегодня же!

Моё сердце замерло, а затем заколотилось так сильно, что я едва могла дышать. Я бросилась к мужу, босые ноги скользили по мрамору, а халат развевался, как крылья раненой птицы.

— Дариан, остановись! — крикнула я, дрожащим от слёз голосом. — Ты не можешь так со мной поступить! Одумайся! Я твоя жена и ты обещал мне...

Дариан резко обернулся, и я чуть не врезалась в него.

— Жена? — прорычал он, глаза его в этот момент сверкали каким-то звериным блеском. На коже стала проступать драконья чешуя, а зрачки вытянулись. — Ты не жена, Полли. Ты пустая, бесполезная обуза. Убирайся из моего дома, пока я не приказал страже вышвырнуть тебя!

Я застыла, ноги будто приросли к полу. Слёзы текли по щекам, но я не могла пошевелиться, не могла поверить, что это происходит.

Я не знала того, кто сейчас стоял передо мной. Неужели я так ошиблась. Неужели он так мастерски играл роль любящего мужа эти годы...

Внезапно дверь в холл громко распахнулась, и в комнату ворвалась матушка Эверия. Её серебристые волосы, собранные в строгий узел, слегка растрепались. Лицо, обычно спокойное и величественное, выражало тревогу. Она быстро подошла к сыну, её длинная юбка мягко скользила по полу.

— Дариан, что ты творишь? — воскликнула она возмущенно. — Это же твоя жена! Как ты смеешь так говорить с ней? Остановись, сейчас же!

Дариан повернулся к ней, изогнув губы в холодной, почти жестокой усмешке.

— Матушка, не вмешивайтесь, — отрезал он ледяным тоном. — Она мне больше не нужна. Пустая женщина не может быть женой генерала. Я сделаю то, что должен был сделать давно — отправлю её в монастырь. Или на улицу, мне всё равно.

Эверия ахнула, прижимая руки к груди. Глаза ее, такие же тёмные, как у Дариана, наполнились слезами.

— Как же так?.. — прошептала она пораженно.

Но сын ее уже не слушал. Он поднимался по лестнице в нашу спальню. Я бросилась за ним.

В комнате уже царил хаос. Слуги, повинаясь его приказу, уже вытаскивали мои платья из шкафа, сбрасывая их на пол, как ненужный хлам. Мои украшения, подаренные Дарианом, валялись на ковре, а мои книги, мои драгоценные травники и сборники стихов, были свалены в кучу, как мусор. Дариан стоял посреди спальни. Как огромная бездушная скала.

— Всё это — вон! — рявкнул он, и слуги замерли, их лица побледнели. — Комната должна быть пустой, чтобы ничего не напоминало о предыдущей хозяйке. Скоро прибудет ваша новая госпожа, леди Илиста.

– Давай поговорим, – выдохнула я, схватив его за руку. Кожа у него была обжигающе горячей. – Ты полюбил другую? Я всё пойму и уйду сама. Не нужно этих унижений. Поговори со мной нормально. Пожалуйста.

Муж вырвал руку, и я отшатнулась, чуть не упав.

– Ты еще не оделась? – прорычал он. – В халате по империи поедешь?

– Дариан, – прошептала едва слышно. – Я люблю тебя. Но этого тебе никогда не прощу.

Он замер на мгновение, и я подумала, что, может быть, мои слова дошли до него. Но затем он повернулся ко мне, с каменным лицом, без малейшего следа той любви, что я когда-то видела в его глазах.

– Твоя любовь ничего не стоит, – сказал он холодно. – И без твоего прощения я прекрасно проживу.

Эверия подбежала ко мне и крепко обняла. Её слёзы смешивались с моими. Она что-то шептала, пытаясь меня успокоить, но я не слышала её. Всё, что я видела, — это удаляющуюся спину Дариана. Внутри меня разрасталась пустота, словно чёрная бездна.

Я не знала, что меня ждёт. Куда идти, как жить дальше. Но внутри, под грудой боли и отчаяния, теплилась искра. Искра гнева и решимости, стремление выжить любой ценой.

Глава 3

Промозглый ветер хлестал по лицу, забираясь своими холодными щупальцами под мои юбки.

Я стояла у крыльца поместья, кутаясь в тонкое шерстяное пальто. Ноги мёрзли, а низ живота нещадно тянуло, напоминая о ещё одной утрате, что выжгла во мне всё живое.

Слуги с пустыми лицами сновали вокруг и грузили мои вещи в старую карету, чьи колёса скрипели, словно жалуясь на свою судьбу. Мои платья, небрежно сваленные в сундуки, торчали из-под крышек, а книги, мои драгоценные травники, были брошены в мешок, как ненужный мусор. Я не могла смотреть на это без слёз, но слёзы давно иссякли, оставив лишь жгучую пустоту в груди.

Мне не дали времени даже привести себя в порядок. Никто не предложил мне поесть, хотя желудок сводило от голода, а во рту был привкус железа и горечи.

Лекарь Гедрик, чей скорбный взгляд всё ещё преследовал меня, не пришёл, чтобы осмотреть меня перед отъездом. Никто не заботился о том, выдержу ли я дорогу, выживу ли я после всего, что произошло.

Поместье уже гудело, как улей, — служанки мыли полы, вытирали пыль с резных шкафов, готовили комнаты для новой госпожи, леди Илесты, чьё имя Дариан бросил мне в лицо, как плевков.

Стены этого дома, которые я когда-то считала родными, в один миг стали для меня чужими. Они словно отвергали меня, гнали как можно дальше.

От очередного порыва ветра я поёжилась, обхватив себя руками.

– Полли, – раздался мягкий голос, и я вздрогнула, обернувшись. Матушка Эверия стояла рядом, её глаза, красные от слёз, смотрели на меня с такой болью, что я едва сдержала новый приступ рыданий. В руках она держала небольшой свёрток, завернутый в льняную ткань, и глиняный кувшин с узким горлышком. – Возьми, милая. Это пирог с яблоками и мёдом, как ты любишь. И травяной чай — ромашка и мята, чтобы успокоить нервы. Ты должна поесть, Полли, ты такая бледная...

Голос ее дрожал от эмоций, и пальцы, сжимавшие свёрток, побелели от напряжения. Она протянула еду и сжала мою ладонь в ободряющем жесте.

Пирог пах домом, уютом, теми вечерами, когда мы с Эверией сидели у камина, смеялись и пили чай, пока Дариан нес свою службу при императоре. Но теперь этот запах был напоминанием о том, что я потеряла.

– Эверия, – прошептала я сдавленно. – Почему он так со мной? Что я сделала? Я пыталась, клянусь, я так старалась быть хорошей женой...

Она шагнула ко мне и обняла. Я уткнулась в её плечо, вдыхая запах лаванды, который всегда сопровождал её. Объятия свекрови были тёплыми, но не могли прогнать холод, что поселился в моей душе.

– Не смей ни в чем винить себя, Полли, – прошептала она строго. – Я сама не узнаю своего сына. Возможно Совет накрутил его. Или поставил жесткие сроки по наследнику. Не знаю. Это, конечно, не оправдывает его жестокости, но... Береги себя, дорогая. Мы так уязвимы в этом мире, так бесправны...

Я отстранилась, глядя в её глаза. В них был страх. За сына, за меня, за то, что всё рухнет и уже не будет как прежде. Очень хотела верить ей. Хотела надеяться, что Дариан не сам выбрал эти слова, эту жестокость, что было какое-то логичное объяснение всему происходящему.

Но вопреки желаниям сердце, разум молчал.

– Я не хочу в монастырь, – выдохнула убито, прижимая свёрток к груди. – Не хочу хоронить свою жизнь. Не смогу молиться богам, которые отвернулись от меня. Это несправедливо.

Почему я должна носить клеймо бесплодной жены, выброшенной своим мужем? Я... я ведь еще молода.

Эверия кивнула, поджимая губы в тонкую линию.

— Такова наша участь, — сказала она тихо. — Но только мы сами хозяйки своей судьбы. Найди свой путь, дорогая. Я верю в тебя.

Она порывисто обняла меня ещё раз, сжимая мои плечи так крепко, что я почувствовала, как её любовь, её вера проникают в меня и пытаются согреть.

Но время прощаний было коротким. Слуга кашлянул, стоя у кареты, и я поняла, что пора. Длинные проводы — лишние слёзы, как говорила моя мать, и я не хотела, чтобы Эверия видела, как я всё больше раскисаю.

Заставила себя отстраниться, вытерла слёзы рукавом и, сжимая свёрток и кувшин, направилась к карете. Дверца скрипнула, когда я забралась внутрь, и запах старой кожи и сырости ударил в нос.

Скамья была жёсткой, а внутри кареты было так же холодно, как снаружи. Я села, прижав свёрток к груди, и посмотрела в окно, на поместье, что было моим домом. Его высокие башни, увитые плющом, и окна, отражавшие серое небо, казались теперь чужими, враждебными.

Я искала взглядом Дариана, надеясь, что он стоит где-то там, в одном из окон, что он передумает, что я увижу в его глазах хоть тень сожаления. Но окна были пусты. Его там не было. Он не смотрел мне вслед.

Кучер щёлкнул кнутом, и карета дёрнулась, колёса закрипели по гравии. Я откинулась на спинку сиденья, чувствуя, как боль в животе становится сильнее, словно мой организм протестовал против всего, что происходило.

Я закрыла глаза, пытаюсь отгородиться от мира, но образ Дариана, его холодных глаз, его жестокой усмешки, преследовал меня.

Карета мчала меня в сторону монастыря, что находился в трёх днях пути. Я знала, что ждёт меня там: серые стены, бесконечные молитвы, жизнь, посвящённая богам, без права уйти, с клеймом бесплодной жены, отвергнутой генералом.

Другая бы, возможно, смирилась. Другая бы опустила голову и приняла свою судьбу, как должное. Но я не была другой. И не собиралась сдаваться.

Я открыла глаза, глядя на мелькающие за окном деревья. Монастырь не будет моим концом. Я найду момент, чтобы сбежать. Дариан не будет меня искать — он ясно дал понять, что я ему больше не нужна.

Приглашаю вас в новую эмоциональную историю нашего моба!

Развод с драконом. Месть оклеветанной жены

Ульяна Туманова

— Ты меня обманула! — дракон возвышался надо мной словно скала. — Водила за нос столько лет... — его глаза источают яд. — Пришло время расплаты. И за предательство ты заплатишь собственной жизнью!

Из тела болезненной старухи, которая умерла, прожив одинокую бездетную жизнь, я попала в тело молодой жены дракона. И забеременела! Но это стало только началом моих проблем...

<https://litnet.com/shrt/wMGf>

Глава 4

Карета тряслась на ухабах, словно нарочно. Колёса скрипели, стуча по неровной дороге, а холодный ветер пробирался сквозь щели в дверцах, заставляя меня ёжиться на жёсткой скамье.

Живот всё ещё ныл, отдавая тупой болью, но теперь к этому чувство присоединился и голод.

С утра во рту не было ни крошки, и желудок протестующе урчал. Поэтому наплевав на правила этикета и приличия, я начала есть прямо в карете.

Торопливо развернула льняную ткань, и аромат тёплого яблочного пирога с мёдом окутал меня, как воспоминание о доме. Пирог был мягким, с хрустящей корочкой, и мёд стекал по краям, оставляя сладкие капли на ткани.

Я поднесла кусочек к губам, но тут мои пальцы нащупали что-то твёрдое под пирогом. Нахмурилась, сердце забилося быстрее. Осторожно отогнув ткань, я увидела небольшой кожаный кошель, туго набитый монетами, и сложенный листок пергамента, запечатанный восковой печатью с гербом рода Дариана — драконьей лапой, сжимающей меч.

Слёзы тут же навернулись на глаза, и я прижала свёрток к груди, словно боялась, что он исчезнет. Эверия.

Моя милая свекровь, моя единственная союзница в этом кошмаре, не оставила меня. Я сломала печать дрожащими пальцами и развернула записку.

«Полли, моя девочка,

Ты не должна гнить в монастыре. Ты умная, сильная, и я верю в тебя. В кошельке хватит монет, чтобы добраться до «Золотого Фазана» — постоянного двора в Дальнем Перевале. Его держит твоя старая подруга, Рианна, помнишь её? Она всегда говорила, что лишние руки там пригодятся. Найди её, Полли. Она примет тебя, как родную. Будь осторожна, но не теряй себя.

С любовью, Эверия.»

Я прочитала записку дважды, трижды, пока слова не впечатались в мою память. Конечно, я помнила Рианну. Пышную, хохотушку со звонким смехом. Они с Эверией были неразлучны в детстве, пока судьба не разлучила их.

«Золотой Фазан» был далеко, почти на границе, в трёх неделях пути, но с деньгами у меня был шанс добраться.

Слёзы текли по щекам, но теперь это были не только слёзы боли, но и надежды. Эверия дала мне путь, шанс, крылья, чтобы вырваться из этой клетки. С ее помощью мой побег был не жестом отчаянья, а продуманным шагом.

Я сжала кошель в руке, чувствуя тяжесть монет, и поклялась себе, что не подведу её.

Откусив кусочек пирога, заставила себя проглотить его, затем сделала глоток чая из кувшина. Тёплый настой ромашки и мяты согрел горло, но не могло прогнать холод в душе.

Карета продолжала мчаться, и за окном мелькали голые деревья, чьи ветви царапали серое небо, как когти. Я смотрела на них, пытаюсь собрать мысли. Сбежать нужно было сегодня, пока мы не доехали до монастыря. Кучер, старый Борн, был верен Дариану, но он явно не ожидал, что я, слабая, сломленная Полиана, осмелюсь на побег.

К позднему вечеру карета остановилась в маленьком городке у подножия холмов. Факелы на улицах бросали дрожащие отблески на мостовую, а запах жареного мяса и эля доносился из таверн, смешиваясь с сыростью вечернего воздуха.

Я выглянула в окно, сердце колотилось от волнения. Городок был оживлённым — рынок ещё не закрылся, а на центральной площади гастролирующие артисты развлекали толпу.

Их яркие костюмы сверкали под светом факелов, а акробаты перебрасывались горящими жезлами, вызывая восторженные крики.

Я схватила кошель, записку, оставив свёрток и кувшин, они были слишком заметными. Осторожно открыла дверцу кареты, пока Борн отвязывал лошадей у конюшни. Поёжилась от холода, но заставила себя двигаться.

Толпа на площади была густой, и я растворилась в ней, как тень. Скрипки и бубны заглушали стук моего сердца. Я пробиралась сквозь людей, пока не наткнулась на двух девушек, стоявших у крытой огромной повозки, расписанной звёздами.

Одна из них, высокая и гибкая, с короткими чёрными волосами и ярким платком на шее, жонглировала кинжалами, ловко перебрасывая их из руки в руку. Другая, с длинной косой и веснушками, считала монеты в кошельке.

– ...в Дальний Перевал, Клара, – говорила черноволосая звонким голосом, с лёгкой хрипотцой. – Там ярмарка большая, говорят, платят щедро. Если повезёт, заработаем на новый шатер и костюмы.

– А если нет, Тин, то будем побираться, как нищие, – хмыкнула веснушчатая, но в глазах ее была улыбка.

Невольно прислушалась к их разговору. «Дальний Перевал». Это был знак. Я шагнула ближе, привлекая к себе внимание девушек.

– Простите, – произнесла мягко. Тин, акробатка, прищурилась, ловя свои кинжалы прямо в воздухе. – Я случайно услышала, что вы едете в Дальний Перевал. Мне тоже нужно туда. Возьмите меня с собой. Я заплачу.

Клара подняла бровь, оглядывая с любопытством меня с ног до головы.

– Заплатишь? – переспросила она, скрестив руки. – Ты не выглядишь как та, кто в состоянии заплатить. И что за ярое желание уехать на ночь глядя?

Я сглотнула, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам, но заставила себя говорить.

– Меня... выгнали из дома, – сказала правду. – Муж... он отправляет меня в монастырь. Но я не хочу туда. У меня есть знакомая в Дальнем Перевале, Рианна, она держит «Золотой Фазан». Если вы возьмёте меня с собой, я заплачу. Хорошо заплачу.

В подтверждении своих слов, открыла кошель и показала горсть серебряных монет. Глаза Клары расширились, а Тин присвистнула, ловко убирая кинжалы за пояс.

– Ого, – хмыкнула Тин. – Все проблемы из-за мужиков, а особенно из-за драконов. Садись вглубь повозки, мы отправимся ночью. И деньгами не размахивай, воришек много. Но учти, мы не благотворительность: в дороге будет много работы. Если не боишься и не белоручка, то доедешь.

Я кивнула, чувствуя, как облегчение захлестывает меня. Клара бросила мне цветастый плащ, пахнувший пряностями.

– Надень, – сказала она. – И спрячь волосы. Так за нашу сойдешь.

Торопливо накинула плащ, спрятав золотые локоны под капюшон, и забралась в повозку. Внутри было тесно, полно сундуков, костюмов и запаха воска от свечей. Но зато тепло, тихо и вроде безопасно.

Села на сундук и стала ждать. С ума сойти... Ещё утром я была женой генерала, аристократкой, а теперь оказалась без роду и племени, путешествующей с бродячими артистами...

Развод с драконом. Отвергнутая жена

Таня Денисова

– Роксана! Да как ты смеешь?

– Как я смею? Как ты посмел привести другую женщину в нашу постель? Как смеешь ты меня в чём-то упрекать?

– Немедленно верни её! И извинись! – требует Лукас.

- Нет, - отвечаю твёрдым голосом. – Ноги её не будет больше в моём доме.

- В твоём? Да ты здесь никто!

- А она кто?

- Она подарит мне наследника.

<https://litnet.com/shrt/MZve>

Глава 5

Повозка артистов скрипела и качалась, как старый корабль в бурном море, но для меня она стала спасательным кругом, вырвавшим меня из пучины отчаяния.

Первые дни в труппе были вихрем работы и новых лиц. «Звёздные Бродяги», как называли себя артисты, были шумной, пёстрой, но невероятно сплочённой семьёй.

Тин была их неофициальным лидером. Её кинжалы сверкали в воздухе, когда она жонглировала, а смех звенел, как колокольчик, даже в самые усталые вечера.

Клара, веснушчатая и острая на язык, ведала финансами и расписанием, но умела играть на скрипке так, что у слушателей перехватывало дыхание.

Были и другие: молчаливый силач Торн, чьи руки могли гнуть железо; юный фокусник Лео, чьи пальцы творили чудеса с картами; и старушка Зира, шившая костюмы и пекшая хлеб, от которого невозможно было оторваться. И я нашла своё место среди них.

Мои будни начались с рассвета. Я просыпалась, когда повозки останавливались у очередного городка или деревни, и сразу бралась за дело. Чистила котлы, мыла посуду в ледяной воде из ручьёв, помогала натягивать яркие шатры для представлений.

Руки, привыкшие к шелковым перчаткам и тонким иголочкам для вышивания, теперь покрылись мозолями, но я не жаловалась. Работа заглушала боль в груди, заглушала голос Дариана, шептавший «пустая».

Я таскала мешки с реквизитом, училась разжигать костры, даже помогала Тин репетировать трюки, подбрасывая ей мячи, пока она крутилась на канате.

– Выше, Полли! – кричала она, балансируя на одной руке. – Если я упаду, это будет на твоей совести!

– Тогда не падай! – смеялась я искренне и радостно.

Но с каждым днём я замечала, как что-то меняется во мне. Утром, едва открыв глаза, я чувствовала тошноту, подкатывающую к горлу, словно волна. Запах жареного мяса, что Зира готовила на костре, заставлял желудок сжиматься, а вид эля или вина, которые артисты пили по вечерам, вызывал резкий спазм. Быстрее отворачивалась, боясь, что меня вывернет прямо у всех на виду.

Я ела мало, отламывая лишь кусочки хлеба или глотая травяной чай, который стал моим спасением. Тин заметила это первой.

– Полли, ты что, на диете? – поддразнила она однажды, протягивая мне миску с похлёбкой. – Ешь, а то ветер унесёт!

Я покачала головой, борясь с новым приступом тошноты, и заставила себя улыбнуться.

– Просто... не голодна, – ушла от ответа, отодвигая миску. – Лучше помогу с шатром.

Тин прищурилась, но ничего не сказала, лишь пожала плечами и вернулась к своим кинжалам. Я не понимала, что со мной. Может, это дорога, тряска фургона, или стресс, что всё ещё грыз меня изнутри.

Или... Но я сразу же отгоняла эти мысли. У меня не было времени разбираться с телом, когда было столько дел.

Вечерами, когда толпа собиралась на площади, я стояла за шатром, продавая билеты или разнося воду зрителям. Эль я не могла даже держать в руках, его резкий запах бил в нос. Запах жареных каштанов, пота и воска от факелов наполнял воздух, а крики восторга, когда Торн поднимал над головой огромный валун или Тин прыгала через горящее кольцо, заставляли моё сердце биться быстрее.

Я была частью этого волшебства, частью их мира, и это чувство, быть нужной, быть живой, исцеляло меня лучше любых зелий.

Однажды, после представления в маленьком городке у реки, мы сидели у костра, жуя хлеб Зиры. Я пила свой чай, избегая кубков с вином, которые передавались по кругу. Звёзды над нами сияли, как россыпь бриллиантов, а треск поленьев смешивался с далёким уханьем сов. Я сидела рядом с Кларой, завернувшись в шерстяное одеяло, и чувствовала тепло её плеча.

– Полли, ты бледная, как призрак, – покачала она головой, подбрасывая ветку в огонь. Её веснушки танцевали в свете пламени. – И ешь, как птичка. Что с тобой? Дорога доконала?

Я слабо улыбнулась. Тошнота снова подкатила, и я сглотнула, борясь с ней.

– Да. Всё же с непривычке это тяжело, – ответила нарочито бодро. – Но я в порядке. Вы мне очень помогаете.

Тин, сидевшая напротив, подняла кубок с вином.

– За Полли! – провозгласила она, и все загудели поддерживая ее. – Ты наша, беглянка. Без тебя шатры падают, котлы не моются, а Лео забывает, где его карты!

Я засмеялась, чувствуя, как тепло разливается в груди, словно я оказалась дома...

Нашла своё призвание в мелочах. Я училась у Зиры шить, и мои пальцы, хоть и неуклюжие, начали создавать аккуратные стежки на ярких тканях. Я помогала Лео с его фокусами, пряча карты в рукаве или отвлекая толпу веселыми речами.

Однажды я даже вышла на сцену, держа горящее кольцо, пока Тин прыгала через него, и восторженные крики зрителей заставили моё сердце петь. Я была не просто Полли, беглянкой. Я была частью «Звёздных Бродяг», и это давало мне силы жить, даже когда тело слабело от тошноты и голода.

Но Дальний Перевал приближался. Через три недели, когда повозки въехали в город, окружённый заснеженными горами, я почувствовала, как сердце сжалось, а тошнота усилилась, заставив меня прижать руку к животу.

«Золотой Фазан» возвышался на главной улице. Огромный постоялый двор с резными балками и окнами, сияющими тёплым светом. Но мысль о том, чтобы покинуть группу, теперь огорчала меня.

Вечером, после последнего представления, мы собрались в повозке Тин. Она чистила свои кинжалы, а Клара считала выручку. Я сидела на сундуке, сжимая кошель с монетами, который почти не трогала.

Артисты кормили меня, одевали, делили со мной всё.

– Полли, – начала Тин, не поднимая глаз от кинжала. – Ты ведь не уйдёшь, правда? Ты ведь теперь наша.

Клара хмыкнула, но её глаза были серьёзными.

– Она права, – сказала она, откладывая монеты. – Ты наш талисман, Полли. Остайся. Мы едем дальше, в Лунные Равнины. Там ярмарки, там золото. И тебе не придётся прятаться от прошлого.

Я дар речи потеряла. Отправиться дальше?

Развод с драконом. Ты мне больше не нужна

Джейн Реверди

— У вашей жены будет девочка, ваша светлость!

Я увидела, как после слов эскулапа разочарованно вытянулось лицо моего мужа, и сердце мое болезненно сжалось.

Это был его последний шанс получить от меня сына с магическим даром. Согласно предсказанию, этот ребенок должен появиться у него в год алмазного дракона — в тот самый год, который шел сейчас. И именно этот мальчик через пятнадцать лет должен будет вернуть великому княжеству Амальфийскому его былое величие.

Доктор поспешил выйти из спальни, и когда мы с мужем остались одни, Реджинальд сказал:

— Мне нужна будет другая жена, Лаура! Та, которая в ближайшие десять месяцев сможет родить мне сына.

Каждым своим словом он будто хлестал меня по щекам.

— А как же я? — спросила дрогнувшим голосом.

— О нашем разводе объявят завтра. А ты после того, как родишь дочь, уйдешь в монастырь. Ты мне больше не нужна.

Он произнес это так жестко, словно у нас с ним не было тех двадцати лет, что мы были вместе. И двоих сыновей, которых я ему подарила.

Но это было только начало. Потому что на следующий день, когда было объявлено о нашем разводе, от меня отвернулись все — даже наши взрослые сыновья.

<https://litnet.com/shrt/8g57>

Глава 6

Представление «Звёздных Бродяг» было в самом разгаре. Площадь гудела, как улей: дети визжали, когда Лео вытаскивал из шляпы голубей, Торн гнул железные прутья, а Тин, несмотря на бледность и головную боль, которая мучила её весь день, прыгала через три горящих кольца подряд.

Я стояла за шатром, сжимая в руках поднос с водой. Мой живот, казалось, жил своей жизнью: тошнота подкатывала волнами, но я научилась её глушить, кусая губу и дыша глубже.

Капюшон старого плаща скрывал моё лицо и золотые локоны. Я уже попрощалась с труп-пой, но ноги не несли меня к «Золотому Фазану». Что-то держало — то ли слёзы Тин, то ли интуиция, шептавшая: не надо.

Я ускользнула с площади, когда толпа взорвалась аплодисментами.

Улица вела к постоялому двору: двухэтажное здание из тёмного дерева, с резными балками и вывеской, на которой золотой фазан расправлял крылья. Свет из окон лился тёплым потоком, запах жареного мяса и свежего хлеба манил, но я прошла мимо входа и юркнула в таверну рядом. Она тоже принадлежала Рианне.

Здесь было тише, уютнее: низкие своды, камин, в котором трещали дрова, и длинные столы, за которыми сидели путники, торговцы и местные.

Я выбрала столик в углу, у окна, не снимая капюшон. Пальцы дрожали, когда я заказала кружку травяного чая и кусок хлеба с сыром. Больше желудок ничего не принимал.

Сидела, наблюдала. Всё выглядело обычно. Официантки сновали с подносами, кто-то смеялся, кто-то шептался о ценах на меха.

Я почти расслабилась, когда дверь таверны с грохотом распахнулась. Вошли стражники империи. Четверо, в чёрно-золотых доспехах, с драконьими эмблемами на плащах. Их шаги гремели, как молот по наковальне. Я сжалась, втянула голову в плечи, поправила капюшон так, чтобы тень закрывала лицо. Сердце колотилось в ушах.

— Где Полиана Рене? — рявкнул старший, с седыми висками и шрамом через бровь. — По приказу леди Илисты Ван мы забираем её в монастырь. Немедленно.

Рене. Моё родовое имя. Дариан уже отнял у меня даже фамилию? Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

Кто такая эта Илиста, чтобы посылать имперскую стражу? У меня в голове закружились вопросы, но ответить не успела, из кухни вышла Рианна.

Пышная, добродушная, с румяными щеками и рыжими волосами, собранными в косу, она вытерла руки о фартук и натянуто и фальшиво улыбнулась.

— Никакой Полианы Рене здесь нет, — сказала она твёрдо. — И я не понимаю, почему она должна быть в моём заведении. Вы, милдари, ошиблись адресом.

— Не ошиблись, — отрезал стражник, подходя ближе. — Генерал Дариан сообщил, что его *бывшая* жена направляется сюда. Леди Илиста велела доставить её в монастырь. Живо.

Рианна недобро прищурилась.

— Генерал Дариан, значит? — переспросила она, скрестив руки. — А леди Илиста — это кто? Новая игрушка императора? У меня постоялый двор, а не бордель для знати. Ищите свою Полиану в другом месте.

Стражник побагровел.

— Обыскать здесь всё! — гаркнул он.

Мебель полетела: столы опрокидывались, кружки разбивались, посетители вскакивали, ругаясь. Я вжалась в стену, сердце билось так, что, казалось, его слышно на всю таверну. Один из стражников прошёл мимо моего столика, его сапог задел мой стул. Я задержала дыхание. Он не остановился.

Рианна кричала, размахивая половником:

– Это вам не императорский дворец! Платить будете за каждый стул!

Но стража не слушала. Они рылись в кухне, в подвале, в спальнях наверху. Я поняла: пора.

Судьба решила за меня.

Я выскользнула из-за стола, смешалась с толпой посетителей, что спешили на улицу. Холодный вечерний воздух ударил в лицо, но я не остановилась.

Площадь была пуста — представление закончилось. Повозки «Звёздных Бродяг» стояли у края, готовые к отъезду.

Тин стояла у костра, бледная, прикладывая ладонь ко лбу. Увидев меня, она нахмурилась.

– Полли? Ты где была? Мы думали, ты уже у своей знакомой.

Я схватила её за руку, голос дрожал:

– Они ищут меня. Стража. По приказу какой-то Илисты. Я не могу остаться.

Клара вынырнула из повозки, услышав шум.

– Тогда поехали с нами, – предложила она просто.

Я посмотрела на «Золотой Фазан». Свет в окнах, силуэт Рианны, что всё ещё спорила со стражей. Мне было стыдно и неловко, что я нехотя, но подставила эту женщину. Но теперь я точно не могла вернуться туда.

– Да, – выдохнула я. – Поехали.

Тин обняла меня, несмотря на свою тошноту, и прошептала:

– Добро пожаловать в семью, Полли.

Развод с драконом запрещён

Ева Енисеева

Я очнулась в чужом мире в теле «бесплодной» жены властного генерала-дракона. Красивый мужчина, уважаемый аристократ, любимец подданных... и тот, кто провёл со мной ночь, а утром объявил развод и отправил в темницу за подделку метки истинности! Я сбежала. Но только начала устраивать свою жизнь, как узнала, что беременна. И без его близости моё драконье дитя не выносить...

<https://litnet.com/shrt/mNEc>

Глава 7

Повозка «Звёздных Бродяг» катилась по империи, пейзаж менялся, как и погода. Ночь опускалась мягко, звёзды зажигались одна за другой, и в их свете дорога казалась бесконечной лентой, уводящей всё дальше.

Я сидела у окна, прижав колени к груди, и смотрела, как очередное поселение исчезает за горизонтом.

Моя жизнь с артистами вошла в привычное русло. Трудилась не покладая рук от рассвета до заката, и отдыхала только в дороге.

От такого непривычного ритма жизни, теловсё больше предавало меня. Тошнота не отпускала. Утром я едва могла проглотить кусок хлеба, а запах эля или жареного мяса заставлял меня бежать к кустам, где я сгибалась, борясь с приступами.

– Полли, ты опять ничего не ешь, – в очередной раз подметила Тин, когда мы сидели у костра в маленькой деревушке у озера. Она отломала кусок хлеба и протянула мне, но я покачала головой, сглотив тошноту.

– Эти запахи... они меня добивают, – пожаловалась ей, стараясь улыбнуться.

Клара, чистившая скрипку, подняла бровь.

– Запахи? – переспросила она. – Полли, ты не... ну, ты знаешь. В положении?

Я замерла, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Эта мысль приходила мне в голову, но я гнала её прочь. Три выкидыша. Три раза, когда моё тело подвело меня, подвело Дариана. Да и лекарь чётко сказал... Нет. Я не могла быть беременна. Но слова Клары зацепились, как заноза.

– Нет, – произнесла слишком быстро. – Это невозможно. Я... я не могу быть в положении.

Тин посмотрела на меня с подозрением.

– Полли, – сказала она тихо. – А когда у тебя в последний раз... ну, были эти дни?

Я открыла рот, но слова застряли. Не могла точно вспомнить. Месяцы слились в одно пятно боли, потерь, бегства. Я покачала головой, чувствуя, как паника подступает к горлу.

– Не помню, – прошептала я. – Но это точно не... это не может быть...

Зира, сидевшая напротив, отложила шитьё и посмотрела на меня с мягкой улыбкой. Её глаза, мудрые и тёплые, видели больше, чем я хотела показать.

– Девочка, – сказала она. – Тело иногда знает раньше разума. Пойдём завтра к местной травнице. Она всё поймёт.

Хотела возразить, но что-то в её голосе заставило меня замолчать. Я кивнула, чувствуя, как страх и надежда борются внутри меня.

На следующий день, в маленькой деревушке у подножия Лунных Гор, Зира повела меня к травнице. Старухе с седыми косами и руками, пахнущими мятой и полынью.

Её хижина была тесной, полной сушёных трав и склянок с зельями. Она осмотрела меня, задавая вопросы, от которых я краснела: о тошноте, о сне, о том, когда я в последний раз чувствовала себя «нормально». Я отвечала, запинаясь, чувствуя, как сердце колотится в груди.

– Ну, милая, – проговорила травница, голос у нее был хриплым, но добрым. – Ты носишь ребёнка. Месяца три, может, чуть больше. Сильный, раз держится после всего, что ты пережила.

Я застыла, мои руки невольно легли на живот. Ребёнок. Мой ребёнок.

Я не потеряла его?..

Слёзы навернулись на глаза, и я не могла остановить их. Это был не третий выкидыш. Это был первый раз, когда во мне росла маленькая жизнь. Цеплялась за меня, несмотря на боль, несмотря на бегство, несмотря на Дариана, который вышвырнул меня из своей жизни.

– Как... как это возможно? – прошептала я, мой голос дрожал. – Лекарь же сказал... Я думала... после всего...

Травница пожала плечами, её глаза были полны понимания.

– Жизнь упряма, девочка. Как и ты.

Зира обняла меня, когда мы вышли из хижины. Солнце стояло высоко, отражаясь в снежных вершинах, и я чувствовала, как что-то внутри меня меняется. Страх перед будущим всё ещё был. Но была и надежда, тёплая и яркая, как ребёнок, что жил во мне.

Я вернулась к нашей повозке, где Тин репетировала с кинжалами. Заметив меня она бросила кинжал и подбежала ко мне.

– Ну что? – спросила она пропитанным тревогой голосом. – Что сказала травница?

Я сглотнула, чувствуя, как слёзы снова подступают.

– Я... я беременна.

Тин ахнула, а затем расхохоталась, обнимая меня так крепко, что я едва могла дышать.

– Полли! – крикнула она. – Ты гениальна! Ребёнок бродячих артистов! Он будет жонглировать ещё до того, как научиться ходить!

Клара, услышав шум, выскочила из повозки, её веснушки сияли на солнце.

– Ребёнок? – переспросила она, а затем улыбнулась. – У нас будет ребёнок?!

Лео и Торн, стоявшие неподалёку, подняли кубки с водой.

– За Полли и её маленького акробата! – провозгласил Лео, и все засмеялись.

Я смеялась с ними, слёзы текли по щекам, но это были слёзы радости. Я нашла семью. Я нашла себя. И они радовались моей беременности, так искренне, будто нашли клад с золотом.

Я положила руку на живот, чувствуя, как что-то тёплое, ворочается в груди. Это был мой секрет, моя сила, мой повод жить.

Развод с драконом. Я - не твоё сокровище!

Полина Миронова

Быть кормилицей ребенка от любовницы? Угождать ей? Почитать мужа-изменщика? И это после того как сама недавно потеряла малыша?

Пугливая жена повелителя драконов, наверное согласилась бы... Но в её теле теперь Я! И я требую развода, уважаемый дракон!

Прогоните в дальнюю деревушку, где, нет никого кроме коз? Ничего страшного, с козлами я обращаться умею! И со всеми неприятностями справлюсь сама.

Главное, чтобы муж не появился и не узнал о моей маленькой тайне...

<https://litnet.com/shrt/JOxv>

Глава 8

На ночлег повозки «Звёздных Бродяг» остановились у небольшого озера, чья гладь отражала лунный свет, превращая воду в зеркало из серебра.

Костёр потрескивал, выбрасывая искры в небо, а запах дыма смешивался с ароматом травяного чая, который я держала в руках.

Труппа уже спала, я же сидела у костра, закутанная в шерстяной плащ, и смотрела в пламя, но сон не шёл. Мои мысли, как дикие кони, мчались по кругу, возвращаясь к одному: ребёнок. Мой ребёнок. Тот, которого я, по словам лекаря Гедрика, потеряла.

Я сжала кружку с чаем так сильно, что пальцы побелели. Как это возможно?

Гедрик, старый и опытный, со скорбным взглядом, сказал мне: «Ещё один не прижился, госпожа Полиана».

Он опытный лекарь, один из лучших в империи и... ошибся?

А какая-то травница, простая старуха с руками, пахнущими полынью, говорит, что я ношу дитя. Это значит, что я была беременна, когда Гедрик в последний раз осматривал меня. Как он мог ошибиться? Или... это не была ошибка?

Моя рука невольно легла на живот, где под грубым полотняным платьем билась крошечная жизнь. Я чувствовала её — не физически, но где-то глубоко, как тёплый огонёк, что не гас, несмотря на всё. Но мысли не давали покоя.

Если Гедрик ошибся в этот раз, мог ли он ошибиться раньше? Или... я сглотнула, чувствуя, как холод пробегает по спине, несмотря на тепло костра. Или он умышленно так сказал?

Я вспомнила его снадобья. Горькие, с резким запахом, которые он заставлял меня пить для поддержания беременности.

«Для восстановления сил, госпожа», — говорил он, и я пила, потому что верить ему. Я вспомнила, как после них меня тошнило, как тело слабело, как я едва могла встать с кровати. Я думала, это нормально, что проблема во мне, в моем организме. Но теперь... теперь я не была так уверена.

Шорох за спиной заставил меня вздрогнуть. Я обернулась и увидела Зиру. Она вышла из своей повозки, закутанная в шаль, и её глаза, мудрые и тёплые, внимательно осмотрели меня.

— Не спится, Полли? — спросила она тихо, садясь рядом на бревно.

Я кивнула, сжимая кружку.

— Не могу, — призналась я. — Слишком много всего... в голове.

Зира подбросила ветку в костёр, и искры взлетели, как маленькие звёзды.

— Ребёнок? — спросила она, не глядя на меня. — Или что-то ещё?

Я сглотнула, чувствуя, как горло сжимается.

— И то, и другое, — сказала я. — Зира, я... я не понимаю. Лекарь сказал, что я потеряла ребёнка. В тот последний раз. Я видела кровь, чувствовала боль. Как я могла... как я могла быть беременна всё это время?

Зира посмотрела на меня, её глаза сузились, но в них не было осуждения, только понимание.

— Расскажи мне о нём, — сказала она. — О лекаре. Что он делал? Чем лечил?

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить.

— Гедрик... он старый, служил в поместье ещё до моего замужества, — начала я. — После каждого... подтверждения моей беременности он давал мне снадобья. Горькие, с запахом, как... как гнилая трава. Говорил, что это для восстановления. Я пила их, Зира. Пила, потому что хотела быть хорошей женой. Хотела дать Дариану наследника. Но после них я чувствовала себя хуже. Тошнило, кружилась голова, я едва могла встать. Я думала... думала, это моё тело. Что я слабая. Пустая.

Зира молчала, но её губы сжались в тонкую линию. Она подбросила ещё одну ветку в костёр, и пламя осветило её лицо, выхватив резкие тени.

– А что было в тех снадобьях? – спросила она. – Ты видела?

Я покачала головой, чувствуя, как холод сковывает меня, несмотря на огонь.

– Не знаю, – прошептала я. – Он приносил их в маленьких флаконах, тёмных, с восковой пробкой. Говорил, что это редкие травы, из южных земель. Я не спрашивала. Я доверяла ему. Но... Зира, если он ошибся в этот раз, если ребёнок был жив... что, если он ошибался и раньше? Или...

Я замолчала, не решаясь произнести это вслух. Но Зира сделала это за меня.

– Или он не ошибался, – сказала она тихо, её голос был твёрдым, как сталь. – А делал это нарочно.

Мой дыхание перехватило. Я посмотрела на неё, мои глаза расширились, а сердце заколотилось так сильно, что я едва могла дышать. Травили. Меня травили. Эта мысль, как молния, ударила в меня, и ужас прокатился по телу, холодный и липкий, как грязь.

– Зачем? – выдохнула я, мой голос дрожал. – Кому это нужно? Я... я была женой Дариана. Я любила его, а он меня. Я хотела дать ему ребёнка. Кто мог желать мне такого?

Зира положила руку на моё плечо, её прикосновение было тёплым, но не могло прогнать дрожь.

– Полли, – сказала она. – Ты была не обычной женой. А женой самого генерала. Второго после императора в империи. Второго по силе, власти, богатству. Близкого к императору Тиرونу. У тебя были земли, связи, имя. Кто-то очень хотел, чтобы у вас не было детей или хотел убрать тебя. Мир жесток, девочка. Особенно, когда ты так близка к короне.

Я застыла, чувствуя, как мир рушится вокруг меня. Мои дети. Мои нерождённые дети, которых я оплакивала, которых винила себя за их потерю. Если Зира права, если Гедрик травил меня, то кто стоял за этим?

Дариан? Нет, я не могла поверить. Не мой Дариан, который целовал мои ладони, который клялся любить меня.

Но его холодный взгляд, его слова, его чешуя, проступившая на коже... что-то было не так с ним.

Или... Илиста? Эта женщина, что посылала стражу, что называла себя леди, что заняла моё место. Её имя жгло меня, как раскалённое железо.

– Если это правда, – прошептала я, мои руки сжались в кулаки, – я найду их. Всех. Гедрика, Илисту, кого угодно. Я заставлю их заплатить.

Зира кивнула, её глаза сверкнули в свете костра.

– Ты сильная, Полли, – сказала она. – Сильнее, чем думаешь. Но сейчас ты далеко. В бегах. И с ребёнком.

Она посмотрела на мой живот, и её голос смягчился.

– Ты должна думать о нём. О себе. Расследование подождёт. Но правда... правда найдёт тебя сама.

Я кивнула, но гнев, что вспыхнул во мне, не угасал. Он был как угли под пеплом, готовый разгореться в любой момент. Я представила, как вернусь в поместье, как встану перед Гедриком, как заставлю его говорить.

Если бы у меня были деньги, власть, я бы перевернула империю, чтобы найти ответы. Но я была здесь, у костра, беременная, в бегах, с семьёй артистов, которые стали мне ближе родных.

– Зира, – сказала я, мой голос был тихим, но твёрдым. – Я не успокоюсь. Никогда. Но ты права. Сейчас я должна защитить его.

Я положила руку на живот. Зира улыбнулась, её рука сжала моё плечо.

– Вот это правильно, – сказала она. – А теперь иди спать. Ребёнку нужен отдых. И тебе тоже.

Я кивнула, но ещё долго сидела у костра, глядя в пламя. Правда была где-то там, в тенях империи, в поместье, в сердце Дариана. Придет время и я найду её. Ради себя. Ради моего ребёнка. Ради тех, кого у меня отняли.

Развод с королём драконов. Хозяйка Приграничья

Дита Терми, Эя Фаль

Я очнулась в теле жены-злодейки, которую король драконов вышвырнул из дворца. Холодный, гордый, безжалостно красивый, он не слушал оправданий, просто жестко приказал: «Убирайся».

Мой путь лежал в Приграничье, где война и смерть дышали в спину.

Но я выжила. Случайно создала сеть взаимопомощи и стала хозяйкой этого края. И слухи обо мне дошли до самого короля...

А потом на моём пороге появился он - раненый бродяга с повязкой на лице.

Я приютила его, не зная, кто он. Его взгляд прожигает, голос тревожит до дрожи, а близость сводит с ума.

Почему же он кажется таким знакомым?..

<https://litnet.com/shrt/apx9>

Глава 9

Путешествие «Звёздных Бродяг» по Драконьей Империи было как танец на краю пропасти. Мы катились от городка к городку, от деревни к деревне, оставляя за собой шлейф смеха, музыки и восторженных криков толпы.

Лунные Равнины сменились Золотыми Полями, где пшеница колыхалась под ветром, как море под солнцем, а затем — Туманными Болотами, где воздух был густым от влаги и запаха гнили.

Повозки скрипели, лошади фыркали, а мне, с каждым днём становилось всё тяжелее, но я старалась не отставать.

Слухи, как птицы, летели быстрее нас. В каждом городке, на каждой ярмарке, в каждой таверне, где мы останавливались, люди шептались о перевороте, о волках, о Тироне и Дариане.

Я ловила обрывки разговоров, стоя за шатром с подносом воды или помогая Зире чинить костюмы. Сначала новости были тревожными, как гром перед бурей. Говорили, что императора Тирона свергли. Что он сговорился с волками-оборотнями, которые, по слухам, вернулись в империю спустя сто лет после их истребления и изгнания.

– Волки в столице! – шипели торговцы, пока я продавала билеты.

– Тирон предал драконов! – кричали пьяные в тавернах.

А потом — хуже: говорили, что Тирона убили. Что его голова на пике у дворца. Я сжимала поднос так сильно, что пальцы немели, но заставляла себя дышать.

Тирон мёртв? Это было невозможно. Он был как скала, несгибаемый, яростный. И Дариан... Дариан был его тенью, его братом по оружию. Они прошли плечом к плечу десятки битв, от Ледяных Пустошей до южных морей. Дариан не мог предать его. Или мог?

Я сидела у костра в одну из стоянок, в маленькой деревушке у реки, где вода журчала, как колыбельная, а звёзды отражались в её глади. Тин жонглировала кинжалами, а Клара чистила скрипку, напевая старую балладу. Я пыталась шить заплатку на плаще Лео, но игла выскальзывала из дрожащих пальцев. Слухи не давали покоя.

– Слышали? – сказал Торн, подбрасывая дров в костёр. Его голос, низкий и гулкий, разнёсся над поляной. – За Тирона и его волков награду назначили. Говорят, Дариан их ловит. Сам генерал.

Я замерла, игла уколола палец, и капля крови упала на ткань. Дариан? Охотятся на Тирона?

Не могла в это поверить. Они были ближе, чем братья. Дариан клялся Тирону в верности перед алтарём драконьих богов. Он отдал бы жизнь за императора.

Но потом я вспомнила его глаза в тот последний день. Холодные, чужие. Может, как и меня, он предал и друга? Так ли хорошо я знала мужа?

И всё же моё сердце сжималось от боли при мысли, что он стал врагом своего друга. Что-то было явно не так...

– Это всё сплетни, – буркнула Клара, не отрываясь от скрипки. – Простому люду правду не рассказывают. Сегодня Тирон мёртв, завтра — император опять. А Дариан... – она посмотрела на меня, и её глаза смягчились. – Полли, ты в порядке?

Я кивнула, но это была ложь. Сердце было не на месте. И я не знала, чему верить.

Слухи путались, как клубок ниток. Сначала говорили, что Дариан организовал переворот, чтобы стать императором. Что он предал Тирона ради власти.

Потом, что леди Элина, бывшая невеста императора, ведьма, заколдовала всех. Я качала головой, слушая это, но ничего не сходило. Дариан не был честолюбцем. Он был воином, защитником, человеком, который любил меня и свою родину... или, по крайней мере, я так думала.

Затишье пришло внезапно. Слухи утихли, как буря, что прошла стороной.

А потом, как гром среди ясного неба, по империи прокатилась новая весть: Тирон вернулся. Живой. Невредимый. Волки — союзники. Ледяные драконы, с которыми мы воевали десятилетиями, помогли империи.

Я стояла в толпе на ярмарке в большом городе, окружённая запахом жареных каштанов и эля, и слушала, как глашатай зачитывал указ. Его голос гремел, но слова звучали пусто:

— Император Тирон отправился на переговоры с волками и не вернулся. Совет забил тревогу. Генерал Дариан нашёл его целым и невредимым.

Я сжала кулаки, чувствуя, как гнев и недоверие кипят во мне. Переговоры? С волками, которых сто лет назад изгнали? Ледяные драконы за одним столом с нами? Это было невозможно. Даже Зира, когда мы вернулись к повозкам, ворчала, подбрасывая дрова в костёр.

— Лгут, — возмущалась она, её глаза сверкали в свете пламени. — Чёрная магия тут замешана, вот что. Драконы с волками? Да они друг друга на куски порвут! А Тирон... — она сплюнула в огонь. — Дурят народ. Всегда дурили.

Я молчала, но её слова задели что-то во мне. Магия.

Я вспомнила снадобья Гедрика, его тёмные флаконы, мою слабость. Вспомнила глаза Дариана, его чешую. Что, если Зира права? Что, если всё это — не политика, не война, а что-то тёмное, чего мы не видим?

А потом пришла ещё одна неожиданная весть. Тирон женился на леди Элине. Той самой, что сбежала от него, что, по слухам, была ведьмой. А Дариан... Дариан был безутешен после гибели леди Илисты, которую скосила чума. Я сидела у костра, когда Тин рассказала это, её голос был полон сарказма.

— Прибил змеюку, да и всё, хе-хе, — хихикнула она, жонглируя яблоками. — Илиста сдохла, а Дариан, говорят, в трауре. Ну и ну.

Я посмотрела в огонь, чувствуя, как что-то сжимается в груди. Радости я не испытывала. Только пустоту. Дариан в трауре?

Мой Дариан, который вышвырнул меня, назвал пустой, отнял моё имя? Я не верила, что он мог убить Илисту. Но я уже не знала, чему верить. Слухи улеглись, империя вошла в привычное русло, а я... я погрузилась в беременность, которая была как наказание.

Моё тело предавало меня с каждым днём всё больше. Тошнота не отпускала, но теперь к ней добавилась слабость, от которой ноги подкашивались.

Я не могла встать с постели по несколько дней, лежала в повозке, пока Зира приносила мне чай и хлеб. Всё тело болело, кости ныли, как будто ребёнок вытягивал из меня жизнь.

Лекари, которых мы находили в городках, лишь разводили руками.

— Сложная беременность, — говорили они. — Больше отдыхайте.

Но как отдыхать, когда я была обузой? Я, которая когда-то была леди, женой генерала, теперь едва могла держать иглу, чтобы зашить костюм.

Ночи я проводила в слезах, зарывшись в одеяло, чтобы не разбудить остальных. Я плакала тихо, горько, чувствуя, как одиночество душит меня, несмотря на тепло артистов.

Тин и Клара были моими ангелами. Они кормили меня, когда я не могла есть, поддерживали, когда я падала духом. Но даже их терпение лопнуло одним утром, когда мы остановились в лесу у большого города.

Мой живот был уже заметен, ребёнок крутился внутри, как маленький ураган, а я, бледная, как призрак, стояла, прислонившись к дереву, борясь с очередным приступом слабости.

— Это дите добьёт её! — воскликнула Тин, её чёрные волосы растрепались от ветра. Глаза ее горели гневом. — Полли, ты как скелет! Мы должны что-то делать!

Клара, стоя рядом, кивнула, её веснушки выделялись на бледном лице.

— Она права, — сказала она. — Лекари ничего не знают. Двоечники. Это не просто беременность.

Я хотела возразить, но сил не было. Лишь прижала руку к животу, чувствуя, как ребёнок шевелится, и улыбнулась слабой улыбкой.

Зира, сидевшая на бревне и чистившая котёл, вдруг подняла голову. Её глаза, мудрые и острые, посмотрели на меня, а затем на мой живот.

– Полли, – спросила она задумчиво. – А в твоём роду магичек не было?

Я замерла, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Магия? Мой род, Рене, был старым, но я никогда не слышала о магии. Мы были воинами, землевладельцами, не колдунами.

– Нет, – ответила хрипло. – Почему ты спрашиваешь?

Зира отложила котёл и подошла ко мне, прихрамывая от долгого сидения, всё же возраст напоминал о себе.

– Этот ребёнок... он не просто дракон, – огорошила вдруг она. – Я вижу, как ты слабеешь. Твой организм лишён магии, а таким детям нужна энергия. Много энергии. Магия в нём точно есть, Полли. Сильная.

Я посмотрела на неё, мои глаза расширились. Магия. Это объясняло всё — мою слабость, боль, то, как ребёнок, казалось, вытягивал из меня жизнь. Нсли бы Дариан был рядом, он бы поддерживал своей силой во мне баланс энергии, но...

Подавила слезы. Теперь предположение Зире пугало. Магия в империи была под запретом, если не служила драконам. А мой ребёнок...

– Что делать? – прошептала я, чувствуя, как паника подступает к горлу. – Как узнать?

– Нам нужен маг, – сказала Зира твёрдо. – Или магичка. В городе, где мы остановимся, найдём. Они подскажут.

– Нет! – тут же воскликнула испугано. – Я не хочу, чтобы малыша трогали! Магия опасна! Что, если они навредят ему?

Тин шагнула ко мне, положив свою руку на моё плечо.

– Полли, – произнесла она мягко. – А если ему плохо? Если ему нужна помощь? Ты сама как скелет ходишь. Мы не можем рисковать.

Я посмотрела на неё, затем на Клару, на Зиру. Они были правы. Я знала это. Но страх сжимал моё сердце, как тиски. Я не доверяла магам. Не после Гедрика, не после слухов о чёрной магии, не после того, как империя скрывала правду о Тироне и волках. Но я не могла рисковать малышом.

– Хорошо, – выдохнула я. – Но... никто не тронет его без моего согласия.

Зира кивнула, её глаза были полны решимости.

– Договорились, девочка, – сказала она. – Мы найдём ответы. И защитим вас обоих.

Я прижала руку к животу, чувствуя, как ребёнок шевельнулся, словно соглашаясь.

Развод с драконом или попаданка в законе.

Майя Фар

Прожив в браке двадцать лет, и родив троих детей, я вдруг узнала, что муж собирается со мной развестись, потому что я не образована и не соответствую его статусу. Он ушел от меня к более успешной, ухоженной и уверенной в себе женщине, но и у меня есть все эти три "У", я просто про это забыла.

Держись, дорогой, скоро встретимся ...

В книге будет:

Уверенная в себе героиня

Дракон

Дети

Адвокатский быт магического мира

<https://litnet.com/shrt/Dhmx>

Глава 10

Город встретил нас серым рассветом. Повозки «Звёздных Бродяг» въехали на узкие улочки, где дома жались друг к другу, как старые приятели, а вывески скрипели на ветру.

Я сидела в повозке, прижавшись к окну, и смотрела, как люди спешат по своим делам. Торговцы раскладывают товар, дети бегают с корзинами, стражники лениво патрулируют улицы.

Мой, уже заметно округлившийся живот потягивало и я едва могла сидеть прямо. Слабость, что мучила меня недели, стала постоянной. Ноги подкашивались, руки дрожали, а дыхание было тяжёлым, как будто я тащила на себе пару мешков с камнями.

Но я держалась.

Зира нашла магичку через старого знакомого трактирщика, который, ворча, указал на ветхий домик на окраине.

– Только не болтайте, – шепнул он. – Она молода, но знает своё дело.

Мы с Зирой и Тин, Клара осталась с остальными, чтобы подготовить лагерь, пробирались по узким переулкам. Домик был маленьким, с покосившейся крышей и дверью, обитой потёртой кожей.

Я колебалась, сжимая край плаща. Магия пугала меня. После Гедрика, после слухов о чёрной магии, после всего, что империя скрывала, я не доверяла никому, кто мог коснуться моего ребенка. Но слабость была сильнее страха.

– Полли, – приободрила меня Тин. – Мы будем ждать тебя здесь. Не унывай, если что ты не одна.

Я кивнула, слёзы подступили к глазам, и постучала в дверь. Та скрипнула, и нас впустила девушка. На вид ей было не больше шестнадцати, с бледной кожей, тёмными волосами, заплетёнными в косу, и глазами, слишком старыми для её лица. Она была худой, в простом сером платье, и её руки подрагивали, когда она закрывала дверь.

– Вы... по делу? – спросила она тихо, оглядываясь, как будто боялась, что за нами следят.

– Да, – ответила Зира, которая пошла со мной. – Моя девочка... она беременна. Ей нужна помощь. Магия.

Девушка, которая даже не представилась, посмотрела на меня пристально. Глаза ее сузились, но в них не было злобы, только интерес.

– Сюда, – подозвала она, указывая на низкий стол в углу комнаты.

Эта комната, к слову, была тесной, с полками, заставленными склянками, сушёными травами и странными камнями, которые слабо светились в полумраке.

Зира вышла, а я села, дрожа от волнения, и покачала головой, когда девушка подошла ближе.

– Не трогай ребенка, – предостерегла ее, серьезным тоном. – Только... посмотри. Пожалуйста.

Она кивнула, её движения были осторожными и неторопливыми.

– Я не причиню вреда, – мягко произнесла она. – Просто... позволь мне почувствовать.

Я сглотнула, но заставила себя расслабить руки, приоткрыв плащ. Живот, обтянутый платьем, был виден, и магичка, не касаясь меня, подняла руки над ним.

Пальцы ее дрожали, но из них исходило слабое тепло, как от свечи. Я почувствовала, как что-то шевельнулось внутри, не ребёнок, а что-то другое, словно воздух стал гуще.

Девушка закрыла глаза, её губы шевелились, но слов я не слышала. Минута. Две. Я задержала дыхание, страх и надежда боролись во мне.

– Девочка, – сказала она наконец, открывая глаза. Тон ее был тихим. – Сильная. Очень сильная. В ней магия. Не просто драконья кровь, а... что-то большее. Она исполнит важное

предназначение. Я вижу это. Но... – она посмотрела на меня, и её глаза погрузнели. – Твой организм лишён магии. Она тянет из тебя всё. Без подпитки... ты не выносишь её. И она... тоже может не выжить.

Я буквально задыхнулась от ее слов, руки невольно легли на живот. Моя девочка. Моя крошечная, сильная девочка, которая уже боролась за жизнь.

– Что делать? – прошептала я, чувствуя, как слёзы жгут глаза. – Как ей помочь?

Магичка отошла к полке и достала охапку небольших кристаллов, прозрачных, с голубоватым свечением.

– Это заряженные кристаллы, – проговорила она. – Они дают энергию. Я могу зарядить их для тебя. Но... – она замаялась. – Это дорого. И надолго их не хватит. Лучше найти кого-то с магией. Родственника, друга... кого-то, кто сможет делиться с ней.

Я замерла, мои мысли невольно вернулись к Дариану. Если бы он был рядом...

Его драконья кровь, его сила могли бы питать нашу девочку. Он был её отцом. Но он вышвырнул меня, назвал пустой, отнял моё имя.

– Сколько? – спросила требовательно, но едва слышно.

Девушка назвала сумму. Я почувствовала, как пол уходит из-под ног.

Это было больше, чем я могла себе представить. Мой кошель, подаренный Эверией, был почти пуст. Я тратила монеты на еду, на мелочи для будущего малыша.

Встала, ноги дрожали, и покачала головой.

– Я... у меня нет столько, – произнесла торопливо, и слёзы потекли по щекам. – Спасибо. Но... я найду другой способ.

Я вышла из домика, не оглядываясь, чувствуя, как Зира и Тин идут за мной. Улицы города были шумными, но я не слышала ничего.

Моя девочка умирала. Я умирала. И я ничего не могла сделать.

Я вернулась к лагерю, где повозки стояли у реки, а артисты готовились к вечернему представлению. Тин и Клара обступили меня, их лица были полны тревоги.

– Полли, что сказала магичка? – спросила сурово Клара. – Что с ребёнком?

И я рассказала. Всё. О девочке, о магии, о предназначении, о кристаллах. О цене. Мой голос дрожал, слёзы текли, но я не могла остановиться. Когда я закончила, замолчала, глядя в землю.

– Сумма... непомерная, – прошептала я. – И кристаллов нужно много. Я... я придумаю что-то.

Смахнув слезы с щек, быстрым шагом покинула их. Ушла в свою повозку, чувствуя, как мир рушится вокруг.

Схватила за ткань занавески, чтобы не упасть, но ноги подкосились, и я едва не потеряла сознание. Сил не было. Совсем.

Я опустилась на скамью, закрыв лицо руками, и заплакала. Тихо, чтобы никто не слышал.

– Полли! – раздался голос Тин снаружи. – Выходи! Быстро!

Торопливо вытерла слёзы, заставила себя встать и вышла. И обомлела.

Не верила своим глазам. Все артисты стояли полукругом у костра. Тин, Клара, Лео, Торн, Зира, даже юный фокусник Мика, который обычно прятался за шатром.

В их руках были мешочки, кошельки, свёртки. Они все очень серьезно на меня смотрели.

– Это тебе, – бодро выдала Тин, шагнув вперёд. Она протянула мне кожаный мешочек, тяжёлый от монет. – Мы все скинулись. Кто сколько мог.

Клара решительно кивнула.

– Я буквально вчера продала свою старую скрипку, – сказала она. – Что-нибудь придумаю, вместо нее. Ты... вы важнее.

Лео, краснея, протянул свёрток.

– Мои сбережения, – пробормотал он. – За фокусы.

Торн молча положил кошелёк, полный серебра. Зира улыбнулась, её глаза были влажными.

– Старуха тоже не бедная, – с притворством проворчала она. – Бери, Полли. Для малышки.

Я стояла, не в силах пошевелиться.

Мои руки дрожали, когда я брала мешочки, один за другим. Монеты звенели, как колокольчики, но я слышала только стук своего сердца.

Слёзы текли по щекам, я не могла их остановить. Эти люди, бродячие артисты, которые делили со мной хлеб, которые приняли меня без вопросов, отдали всё, что имели. Ради меня. Ради моей девочки.

– Я... я не знаю, как... – начала я, но голос сорвался.

Тин обняла меня, её волосы щекотали моё лицо.

– Ты наша семья. И твоя малышка тоже. Мы не дадим вам пропасть.

Я плакала, уткнувшись в её плечо, чувствуя, как Клара, Зира, все они обнимают меня. Моя девочка была спасена.

Я сжала мешочки в руках. И дала себе слово, глядя на звёзды над головой: я верну каждому вдвойне. Когда-нибудь.

Но сейчас... сейчас я была не одна. И моя девочка будет жить.

Развод с драконом. Новая жизнь попаданки

Екатерина Борисова

Оказавшись в теле хрупкой блондинки, я узнала, что муж-дракон обвинил меня в выкидыше и выставил за дверь.

Одна в чужом мире? Но я не сдамся. Найду свое место и забуду о досадном замужестве!

Только вот... почему, куда бы я не пошла, я везде встречаюсь с пронзительным драконьим взглядом своего бывшего мужа?

<https://litnet.com/shrt/JSfa>

Глава 11

Собранных денег хватило на целую корзину кристаллов. Голубых, как утреннее небо, и тёплых, как луч солнца.

Юная магичка зарядила их до краёв, и когда я впервые прижала один к животу, почувствовала, как по телу разливается мягкая волна силы.

Тошнота отступила, тяжесть внизу живота исчезла, а аппетит вернулся с такой силой, что я съела три миски похлёбки и попросила добавки.

Зира только качала головой, смеясь: «Ну вот, другое дело».

Повозки двинулись дальше, и я изменилась. Я снова могла таскать реквизит, натягивать шатры, даже помогала Тин репетировать трюки с кинжалами.

Клара заставляла меня прилечь каждые два часа, Лео приносил воду, Торн молча подкладывал под спину подушки. Я смеялась, отмахивалась, но внутри расцветала. Моя девочка жила, и я жила с ней.

Мы ехали на северо-запад, к границе с Княжеством Громовых Магов — древней, могучей расой, чья магия была связана с молниями и бурей.

Говорили, что их князья могут одним взглядом вызвать грозу, а их воины бегают быстрее ветра. Империя вела с ними хрупкий мир, но торговля процветала, и артистов туда звали щедро.

Городок у границы, Серебряный Перевал, сиял серебром и лазурью. Дома здесь были сплошь из белого камня.

Нас пригласили на закрытое застолье в особняк местного магната — лорда Бергла, богатого торговца магическими артефактами.

Зал был огромен: хрустальные люстры, стены увешаны гобеленами с изображениями молний, столы ломились от дичи, фруктов и вина.

Артисты вошли в раж: Лео жонглировал светящимися шарами, Торн гнул железо, Клара играла на пустых бутылках так, что гости замирали, Тин прыгала через горящие кольца, а я, в длинном плаще с капюшоном, помогала за кулисами, разносила реквизит и улыбалась из тени.

И тут двери распахнулись.

В зал вошёл император Тирон — высокий, в чёрно-золотом, с короной из драконьих клыков.

Рядом с ним шагал генерал Дариан...

Хмурый, с тёмными кругами под глазами, в генеральском мундире, но без прежнего блеска. Я замерла, обхватив живот руками, словно защищая девочку от его взгляда.

Сердце пропустило удар. Он не должен был меня видеть.

Я отступила за плотную бархатную штору, прижалась к стене, дыхание сбилось. Сквозь прорезь в ткани я видела его: скулы острее, чем раньше, губы сжаты, глаза — как лёд.

Он что-то говорил Тирону, но я не слышала слов. Только видела, как он вдруг замер.

Ястребиным движением обернулся прямо в мою сторону. Мне показалось, он смотрит мне в глаза. Я задержала дыхание, пальцы впились в живот.

Он почувствовал мой взгляд...

Но он отвернулся. Пожал плечами. Продолжил разговор.

Я отшатнулась, сердце колотилось так, что я едва стояла. Боль, обида, разочарование — всё, что я прятала месяцами, вырвалось наружу.

Гормоны? Или кровоточащая рана от предательства? Я не знала. Только знала, что не могу больше быть здесь.

Выскользнула из зала, пробралась через кухню, мимо слуг, и влетела в повозку Зиры, припаркованную во дворе. Дверь хлопнула, я упала на колени перед старой швеёй, уткнулась лицом в её колени и разрыдалась. Горько, беззвучно, как в тот день, когда он выгнал меня.

– Полли, детка... – Зира обняла меня, её руки были жилистыми, но тёплыми. – Что случилось?

Я не могла говорить. Только плакала.

– Он был там, – выдохнула наконец, задыхаясь. – Дариан. С Тироном. Он... он посмотрел в мою сторону. Я думала, он увидел.

Зира гладила мои волосы, её голос был тихим и ласковым.

– Он не увидел. Ты в плаще, в тени. И даже если бы, что с того? Он сам изгнал тебя. Расторг ваш брак. Вы теперь чужие друг другу. И пока ты позволяешь своим эмоциям брать над тобой вверх, то подолжаешь любить его. А значит он всё еще может сделать тебе больно. Лишь когда ты отпустишь, тебе станет все равно в зале он или напротив тебя, дорогая.

– Он был всем для меня, – прошептала я, слёзы текли по щекам. – А стал тем, кто лишил меня всего. Дома. Имени. Ребёнка, которого я якобы потеряла. А теперь... теперь я ношу его дочь. И он даже не знает. Как я могу продолжать его любить? Как?!

Зира прижала меня к себе крепче.

– Он не знает про дитя, потому что ты так захотела, – сказала она. – И может, так и лучше. Не даром тебя травили в том доме. Ты защищаешь свою дочь. А он... он после своего поступка потерял право быть рядом. Но сердцу так быстро не прикажешь. Оно помнит хорошее. Его тяжело заставить. Нужно время.

Я кивнула, но легче не становилось.

До сих пор перед моими глазами стояло лицо Дариана. Усталое, хмурое, но всё ещё моё. Я ненавидела его. И любила. И боялась.

– Скорее бы настал тот день, когда мне станет всё равно на него, – прошептала я. – Но сейчас... Я не готова к встречи с ним. Это опасно и тяжело.

– Он обязательно придет, – тепло улыбнулась Зира.

Я вытерла слёзы, вдохнула глубоко. В повозке пахло травами и старым деревом.

Положила руку на живот, доченька шевельнулась, словно успокаивая.

– А сейчас иди. Тин ждёт. И представление не закончено.

Неуклюже встала, вытерла лицо рукавом, надела капюшон. Вышла в ночь.

Дариан был там, в зале, впервые за эти долгие месяцы мы были с ним так близко друг к другу.

Развод с драконом. Приют изгнанных жён

Дина Нежина, Касия Рин

Я была женой дракона пару часов, потом он выгнал меня, отправил в приют для бывших жён.

Здесь я бы и сгинула - среди таких же брошенных, ненужных и всеми забытых женщин. Однако сдаваться я не привыкла. Возьму всё в свои руки и обустрою приют для изгнанных жён так, что он станет райским уголком!

А дракону что опять от меня надо?

<https://litnet.com/shrt/xIZ0>

Глава 12

Дариан

Зал был полон фальшивого блеска. Хрусталь, золото, шёлк, смех, который резал слух.

Я стоял у стены, скрестив руки, и в десятый раз обвёл взглядом гостей. Лорд Бергл, хозяин вечера, расстился перед Тираном, как ковёр под сапогами.

Император сидел во главе стола, улыбаясь ровно настолько, сколько требовалось, чтобы не обидеть. Всё было под контролем.

Но что-то было не так.

Дракон внутри меня не рычал. Он выл.

Бился о рёбра, скрёб когтями по костям, требуя выпустить. Я стиснул челюсть, заставляя зверя замолчать.

Это не угроза Тирану. Не яд. Не кинжал в спину. Это... другое.

Знакомое. Так он реагировал только когда рядом была Полиана.

Имя ударило в грудь, как копьё.

Я сжал кулак так, что костяшки побелели. Перед глазами всплыла её тёплая, как летнее солнце, улыбка, и глаза, полные слёз, когда я вышвыривал её вещи.

«Пустая». Слово, которое я тогда бросил ей в лицо, теперь жгло меня самого.

Сколько раз я проклинал себя за тот день? Сколько ночей не спал, переворачивая империю вверх дном в поисках хоть следа? Она исчезла. Как дым. Как призрак.

Я искал её везде. В монастырях — под чужими именами. Во всех городах и деревнях. Ничего. Ни слуха, ни духа. Только пустота, которая росла во мне с каждым днём.

— Всё в порядке? — Тиран наклонился чуть ближе и спросил еле слышно, так, чтобы слышал только я.

— Почти, — ответил я, не отрывая взгляда от зала. — Выйду на пару минут.

Он кивнул. Не спрашивал. Знал, когда не лезть.

Я поднялся. Игнорируя артистов, девчонка прыгала через горящие кольца, музыка гремела, пошёл к выходу. Толпа расступалась сама. Люди чувствовали. Дракон был на грани.

Проходя мимо подсобного коридора, случайно задел плечом кого-то. Полную женщину в балахонистом плаще и огромном капюшоне. Поднос в её руках качнулся, но она удержала.

— Простите, — бросил я машинально, не глядя.

И замер.

Дракон взревел. Так громко, что я едва сдержал рык в горле.

Запах. Едва уловимый, но такой знакомый...

Я резко обернулся, но женщина уже скрылась в толпе помощников. Сердце колотилось, как молот по наковальне. Нет. Невозможно. Я схожу с ума.

Вышел во двор. Ночь была холодной, луна висела низко, как серебряный клинок. Прохожие шарахнулись, когда я прошёл мимо. Дракон рвался наружу, глаза, наверное, уже полыхали золотом. Подошёл к фонтану, наплевав на приличия, зачерпнул ледяной воды и умыл лицо. Вода стекала по шее, но жар не уходил.

Если бы не Илиста...

Если бы не её чары, не её яд в моих венах, не её шепот в ушах — всё было бы иначе.

Я бы не выгнал Полли. Не назвал бы её пустой. Не потерял бы единственное, что делало меня человеком.

Я чувствовал, что она где-то рядом. Или это безумие?

Я не вернусь в зал, пока зверь не утихнет. Пока я не пойму, галлюцинация это или... чудо.

Но если она жива... если она была здесь... клянусь всеми драконьими богами, я найду её.

Развод с драконом. Хозяйка заброшенного поместья

Рина Мадьяр

Как выжить бедной девушке зимой в заброшенной усадьбе?

После развода с драконом мне пришлось вернуться в родительский дом. Только родителей уже нет в живых, а хозяйство разорил кузен.

В помощники мне остались старик-управляющий и верная прислуга.

В пору отчаяться!

Вот только никто не знает, что в теле безмолвной сироты теперь живу я. И я не собираюсь сдаваться. И дракона прощать я тоже не собираюсь!

<https://litnet.com/shrt/jOSM>

Глава 13

Полиана

Когда плечо Дариана задело моё, я почувствовала, как сердце выпрыгнуло из груди и застряло где-то в горле.

Это было мгновение, но оно растянулось, будто весь мир замер.

Дариан. Его запах ударил в ноздри, как хлыст. Я застыла, поднос в руках качнулся, но я удержала его чисто рефлексом.

Он прошёл мимо, даже не взглянув, но я знала: ещё секунда, и он почувствует. Драконы всегда чувствуют.

Моя девочка внутри недовольно заворочилась, будто протестуя против резкого толчка. Я прижала ладонь к животу, шепча про себя: «Тихо, моя хорошая, тихо».

Весь вечер стал настоящим испытанием. Я пряталась за шторами, за спинами артистов, за чужими спинами гостей, боясь вдохнуть глубже.

Страх был не за себя. За неё. Если Дариан узнает, что я ношу его дочь, он найдёт способ забрать её. Или использовать её, чтобы снова сломать меня. Он уже однажды вышвырнул меня, как мусор. Второй раз я не позволю.

Только когда повозки тронулись в путь, скрипя колёсами по ночной дороге, я смогла выдохнуть. Луна висела над нами, как серебряная монета, и я сидела у окна, прижимая ладони к животу, чувствуя, как девочка успокаивается.

Мы уезжали.

За эти месяцы мы с «Звёздными Бродягами» проехали почти всю империю. От Лунных Равнин до Золотых Полей, от Туманных Болот до самого края Княжества Громовых Магов.

Если бы не артисты, я бы никогда не увидела рассвет над Серебряным Озером, где вода светится, как расплавленное серебро; не стояла бы на краю Облачного Плато, где ветер рвёт плащ и кажется, что ты паришь над миром; не ела бы виноград из виноградников Южного Пояса, где лозы обвивают древние драконьи кости.

Я узнала столько добрых людей, сколько не знала за всю жизнь при дворе. Они делились последним куском хлеба, укрывали от дождя, пели мне колыбельные, когда я не могла уснуть от боли.

Но кристаллы кончились почти месяц назад.

Сначала я думала, что протяну. Потом, что найду ещё.

Но законы ужесточили: любой маг, не зарегистрированный короной, рисковал костром. Подпольные маги прятались, как мыши.

Последний кристалл я раздавила в кулаке три недели назад, когда боль стала невыносимой. С тех пор я практически не вставала с постели.

Лежала в повозке Зиры, бледная, как полотно, с синими кругами под глазами. Доченька вытягивала из меня всё.

Я чувствовала это физически: каждый её толчок, как будто маленькие коготки цеплялись за мои вены и пили жизнь.

Я слабела с каждым днём. Кости ныли, кожа стала тонкой, как пергамент, вены проступали синими реками.

Сегодня утром Тин не выдержала.

Она влетела в повозку, волосы растрёпаны, глаза красные от бессонницы.

– Мы что, будем ждать, пока она умрёт?! – крикнула она, глядя на меня, лежащую на тюфяке. – Полли, ты как тень! Ещё немного, и тебя не станет!

Клара, стоявшая в дверях, закусила губу.

– Тин, не кричи...

– А что молчать?! – Тин повернулась к ней, голос дрожал от ярости и страха. – Мы что, будем смотреть, как обе помирают?!

Зира, сидевшая у печки, подняла голову. Её глаза были спокойны, но в них стояла боль.

– Давайте её доставать, – твердо произнесла Тин. – Срок уже нормальный. Найдём хорошего лекаря и вытащим из Полли этого прожорливого драконёнка.

– Каждому дитю свой срок положен, – нахмурилась несогласно Зира.

– А вдруг навредим им обоим? – тихо поддержала ее Клара, обхватив себя руками.

Тин фыркнула, вытирая слёзы тыльной стороной ладони.

– Ну давайте тогда сидеть и ждать! – крикнула она и выскочила из повозки, хлопнув дверью.

Повисла тишина. Я лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как доченька снова толкается, будто напоминая: «Мама, я здесь».

Они избегали моих глаз, но я знала правду. И они знали.

Такими темпами мне осталось немного. Может, неделя. Может, меньше.

Я закрыла глаза, и слёзы тихо потекли по вискам в волосы. Я не боялась за себя. Я боялась за неё.

Моя девочка была сильной. Она держалась, когда я падала. Она жила, когда я умирала. И если я уйду, кто защитит её от мира, где отец вышвыривает мать, как мусор? Кто защитит её от Дариана, от всей этой проклятой империи?

Я положила ладонь на живот и прошептала, едва слышно:

– Держись, моя хорошая. Ещё немного. Мама найдёт выход.

Но в глубине души я знала: время заканчивается.

И если я не найду способ спасти нас обеих, мы уйдём вместе. Тихо. В одной из этих повозок, под звёздами, которые я так любила смотреть.

Развод с драконом, или Пропавшая императрица

Ирина Андреева

— Мне от тебя нужен только наследник. Ты сама мне не нужна, — услышала я обидные слова от мужчины, который назывался моим мужем и ещё сегодня ночью объяснялся мне в любви.

Я попала в тело молодой жены императора прямо на брачное ложе. Ночью муж был очень нежен со мной, но днём я столкнулась с его холодным безразличием. И так продолжалось довольно долго, пока я не узнала, что беременна. Случайно подслушав разговор моего благоверного с любовницей, я поняла, что мне и моему малышу грозит опасность.

Остаётся только один выход — сбежать. И пусть муж и вся империя будут меня искать, я ни за что не дам себя и ребёнка в обиду.

<https://litnet.com/shrt/Ua4r>

Глава 14

Дариан

Я сижу за столом в личных покоях императорского замка. Отрешенно смотрю на серебряные канделябры, от которых пахнет воском и старым металлом.

Передо мной тарелка с олениной в соусе из южных трав, дымящаяся, идеальная. Запах должен был будить аппетит даже у мёртвого. Но я ковыряю вилкой кусок мяса, как будто это что-то инородное, а не еда.

Вкус давно исчез. Всё, что попадает в рот, превращается в пепел.

Аппетита нет уже больше месяца. Я ем, потому что должен. Потому что дракон требует топлива, иначе я просто рухну посреди совета или тренировки.

Но каждый кусок ложится в желудок тяжёлым камнем, и я чувствую, как он оседает внутри, будто свинец.

Дракон внутри не просто беспокоен. Он беснуется.

Он не рычит, он воет. Глубокий, раздражающий вой, который отдаётся в костях. Он бьётся о рёбра, скребёт когтями по позвоночнику, рвётся наружу с такой силой, что я едва держу его в узде.

Глаза, я уверен, уже горят золотом. Слуга, что принёс вино, вошёл, увидел меня и тут же выскочил, будто за ним гнался сам ад.

Император и мой друг, Тирон, сидит напротив, молчит. Он давно научился не лезть, когда я в таком состоянии. Просто наливает себе вина и смотрит в окно, где за стеклом стоит ночь, густая и холодная.

В груди поселилось чувство, будто я куда-то опаздываю. Оно началось ещё в Серебряном Перевале, когда мы были на землях Громовых Магов.

Тогда я почти сорвался. Но смог умирить свои эмоции. И продержался почти полгода. А теперь....

Последнюю неделю, с каждым днем, становилось всё хуже. Ощущение, что я не там, где должен быть, просто сводило с ума. Оно росло, как пожар в сухом лесу.

Я не сплю. Не ем. Не живу. Я просто существую, перебирая в голове каждый день после того, как вышвырнул Полли.

И вдруг... Удар.

Не боль. Разрыв.

Как будто кто-то вогнал раскалённый клинок прямо в грудную клетку и провернул.

Дракон взревел так, что я едва не сорвался в смену прямо за столом. Стол перевернулся сам. Я даже не понял, как это я его опрокинул или зверь внутри.

Тарелки, кубки, кувшины, всё полетело на пол с грохотом, будто артиллерия ударила. Вино разлилось алым по белому мрамору, как кровь.

Я рухнул на колени, хватаясь за грудь. Пальцы впились в мундир, рвали ткань, будто могли удержать то, что уходило.

Связь.

Та тонкая, почти незаметная нить, что всегда теплилась где-то в глубине груди, даже после всего, даже после того, как я сам её чуть не порвал словами и поступками, оборвалась.

Резко. Чисто. Как будто кто-то взял нож и перерезал.

Я знал это чувство.

Каждый дракон знает.

Связь рвётся только со смертью.

Полли... Моя Полиана мертва.

Мир сузился до одной точки. До пустоты в груди, где раньше было её тепло.
Я не дышал. Не мог.

Горло перехватило железным обручем. Глаза жгло не только драконьим огнём, но и чем-то горячим, мокрым, чего я не позволял себе с детства. Слёзы. Я, генерал, победитель Ледяных Драконов, человек, которого боялась половина континента, чуть не завыл в голос.

Вина ударила волной, тяжёлой, как молот.

Я вспомнил её самые прекрасные на свете глаза, полные слёз, когда я кричал «пустая».

Вспомнил, как швырял её платья в сундук, как рвал её книги, как выгонял из дома.

Вспомнил, как она просила меня опомниться, остановиться, а я отвечал холодом и презрением.

Я искал её.

Всё это время.

Мои ищейки рыскали по империи, как гончие. Я перевернул половину государства. Посылал людей даже в империю Ледяных Драконов. Ничего. Ни следа. Ни слуха. Ни духа.

А теперь...

Она умерла.

И я опоздал.

Я не заметил, как Тирон встал, подошёл, положил руку мне на плечо. Его голос дошёл до меня сквозь гул в ушах:

— Дариан...

Я не ответил.

Я просто сидел на коленях среди осколков фарфора и разлитого вина. Дракон был внутри, требуя крови, требуя мести, требуя вернуть то, что я сам уничтожил.

Но вернуть было уже невозможно.

Я, генерал Драконьей Империи, дракон, которого боялись враги и уважали союзники, сидел на полу и не мог дышать от боли, которую сам себе причинил.

Полиана мертва.

И я — убийца.

Я сам подписал ей приговор в тот день, когда выгнал ее.

Я сам убил единственное, что делало меня человеческим.

Развод с драконом в 40. Месть опозоренной жены

Николетта Фэй

БЕСПЛАТНО

— Рейкар, — голос мой звучит тихо, но четко, — Если ты не доверяешь мне, жене, которая шла с тобой плечом к плечу шестнадцать лет. Которая ни разу не дала тебе повода усомниться в своей верности, которая родила тебе чудесную дочь...

И в этот момент его рука взмывает в воздух.

Ослепляющая боль пронзает щеку.

Шестнадцать лет счастливого брака закончились в один момент. Когда мой муж, имперский главнокомандующий Рейкар Алый обвинил меня во лжи. Он ударил меня, запер, как

преступницу, а потом, опозорив меня перед всем двором, и вовсе захотел сослать на верную смерть.

Вот только я уже давно не та девчонка, которую он когда-то знал. Я выжила, чтобы родить ему дочь, когда все отвернулись от меня. И теперь я сбегу, сожгу его драконий трон дотла, чтобы доказать свою невиновность и заставить его пожалеть о том, что он предал меня, предал наш брак

<https://litnet.com/shrt/FzGY>

Глава 15

Полли

Я не помню точно, когда всё началось.

Помню только, что проснулась от боли, которая разрывала меня надвое, будто кто-то взял раскалённый клинок и провёл им от живота до самого горла.

Повозка стояла на обочине лесной дороги, дождь барабанил по крыше.

Я закричала и этот крик был не мой. Это был крик какого-то раненого зверя, который знает, что умирает, но всё ещё цепляется за жизнь.

Дверь распахнулась. Тин влетела первой, глаза огромные, чёрные волосы растрёпаны:

– Полли! Уже?!

За ней спешила Клара, бледная, как полотно. Зира шла последней, с котелком кипятка в одной руке и стопкой чистых простыней в другой.

Они не говорили лишнего.

Тин схватила меня за руку, её пальцы дрожали. Клара упала на колени у изголовья, обняла мои плечи. Зира, как всегда спокойная, но с глазами наполненными страхом, быстро расстлала простыни.

Боль приходила громными, чёрными, безжалостными волнами. Я тужилась, кричала, кусала губы до крови, рвала ткань тюфяка ногтями.

– Не могу... не успею... – шептала я между схватками, задыхаясь, чувствуя как силы покидают меня.

– Успеешь, – упрямо сказала Зира, кладя мне на лоб холодную тряпицу. – Ты сильная. Мы все здесь. Дыши со мной, девочка моя. Вдох... выдох...

Они работали слаженно. Тин держала мою руку так крепко, что я чувствовала её пульс, Клара шептала молитвы, Зира командовала, не повышая голоса, но с такой уверенностью, что я верила: всё будет хорошо.

Я потеряла счёт времени. Казалось, прошли часы, дни, целая жизнь.

Я тужилась до красных пятен перед глазами, до хрипа в горле, до ощущения, что моё тело разрывается на части. Еще чуть-чуть. Еще немного... Не сдавайся! Давай!

И вдруг — тишина.

Боль исчезла.

Всё исчезло.

Я почувствовала, как становлюсь лёгкой. Невесомой.

Как будто меня подняли над повозкой, над лесом, над всей империей.

Я видела себя сверху: бледную, в крови, с волосами, прилипшими ко лбу. Видела, как Зира бьёт меня по щекам, кричит: «Дыши! Полли, дыши!»

Видела, как Тин рыдает, уткнувшись в моё плечо. Видела, как Клара держит мою руку и шепчет: «Не уходи, пожалуйста, не уходи...»

Но я уходила.

Было легко. Спокойно. Никакой боли.

Только тёплый, золотой, обволакивающий свет, как мамины объятия, которых у меня никогда не было.

И тут я услышала её. Не голосом. Сердцем.

Маленький, но невероятно сильный голосок, будто серебряный колокольчик в абсолютной пустоте:

– Мама... не уходи. Пожалуйста. Ты мне очень нужна... Как я без тебя?..

Я почувствовала, как крошечная ручка коснулась моей души. Как будто кто-то обнял меня изнутри. Тёплое. Яркое чувство. Сильнее всего на свете.

И я рванулась назад.

Свет исчез. Я резко, судорожно вдохнула, будто вынырнула из-под ледяной воды после долгого погружения.

– Она дышит! – крикнула Клара, голос сорвался.

– Тужся, Полли! Последний раз! – голос Зиры дрожал от слез.

Я собрала всё, что осталось. Всю любовь, всю боль, всю жизнь и почувствовала, как моя девочка выходит в мир.

Крик.

Тоненький, звонкий. Самый прекрасный звук, который я когда-либо слышала.

Зира подняла её, крошечную, красную, мокрую, с тёмными волосами, прилипшими к головке, с крошечными кулачками, сжатыми в ярости.

– Вот она наша девочка, – прошептала Зира уже во всю рыдая от счастья. – Здоровая. Сильная. Смотри, какая красавица.

Я протянула к ней дрожащие, слабые руки, но полные такой любви, что, казалось, сердце сейчас разорвётся. Зира осторожно положила её мне на грудь.

Смотрела в её золотые глазки, как у дракона, но мягкие, как утренняя заря, с крошечными искорками света внутри. И в этот момент почувствовала, как что-то внутри меня щёлкнуло.

Тонкая, почти невидимая нить, что всё это время тянулась куда-то в пустоту, к Дариану, оборвалась. Резко. Без боли. Без сожаления. Как будто её никогда и не было.

Я больше не была связана с ним. Ни каплей крови. Ни памятью. Ни виной. Ни любовью.

Остались только я и моя дочь.

Прижала её к себе, чувствуя, как её крошечное сердечко бьётся быстро, отчаянно, но уверенно рядом с моим.

Слёзы текли по моим щекам, но это были слёзы чистого счастья.

– Привет, моя маленькая, – прошептала я, целуя её мокрый лобик. – Я здесь. И я никогда, слышишь, никогда тебя не отпущу.

Тин, Клара, Зира — все плакали.

Даже Торн, стоявший в дверях с каменным лицом, вытирал глаза рукавом.

– Как назовёшь? – спросила Зира, глядя мою голову дрожащей рукой.

Я посмотрела на дочь. На её крошечные пальчики, вцепившиеся в мою рубашку, будто боялись, что я исчезну. На её глазки, в которых уже светилась сила, которой унаследованная от отца. На её крошечный носик, губки, щёчки — всё моё и только моё.

– Ария, – сказала я, и имя само слетело с языка, будто всегда ждало этого момента. – Моя Ария.

И в этот момент я поняла: всё кончено.

Старое имя, старое прошлое, старая боль, старая любовь — всё осталось там, за гранью, откуда меня вернула моя дочь. Перед нами — чистый лист. Только мы вдвоём. И целый мир впереди.

Я поцеловала её в лобик ещё раз.

– С чистого листа, моя Ария, – прошептала я. – Только ты и я. И больше никто нам не нужен.

Развод с драконом, или попаданка в теле истинной

Настя Савельева

— Ошибка! Это не Ариэла! Кто ты такая и что ты сделала с моей невестой? — резко говорит голос с трона.

Начинаю совсем незаметно щупать свои руки, и я их ощущаю... А значит? Это что? Не сон?

Вязкий ком застревает в горле, пока я лихорадочно бегаю глазами по залу, грозный мужчина встает с трона, поправляя свою белую мантию с золотыми вставками.

Он медленно вышагивает в мою сторону, резко останавливается напротив и, присаживаясь на корточки, велит мне смотреть ему в глаза.

А они такие необычные... Темно-зеленые и зрачок, он как-будто вытянут.

Он хватает своей грубой рукой меня за подбородок, вскидывая мою голову вверх.

— Куда ты дела мою невесту?

— Послушайте, — облизываю пересохшие губы, — Я не...

Не успеваю договорить, как двери зала открываются и в помещение влетает женщина. Разъяренная и пышущая гневом.

— Ритуал пошел не по плану, — кричит она, — Ариэла оказалась не вашей истинной, милорд.

— А кто тогда моя истинная? И какого черта ритуал пошел не так, как было запланировано?

<https://litnet.com/shrt/WO4B>

Глава 16

Три года спустя

Свет факелов плясал по стенам большого зала, отбрасывая длинные, извивающиеся тени, что напоминали змей, танцующих в пламени ада.

Зал был полон. Знатные лорды в расшитых камзолах, купцы с тяжёлыми кошельками на поясах, их жёны в шелках и драгоценностях, что сверкали, как звёзды. Все они затаили дыхание, когда я вышла на импровизированную сцену, которая представляла из себя круг из полированного дерева, окружённый коврами и подушками.

Воздух был густым от запаха воска, специй и вина.

Три года прошло с той дождливой ночи в лесу, когда Ария пришла в этот мир, вырвав меня с края смерти своей крошечной, но невероятно сильной волей.

За эти годы я изменилась до неузнаваемости. Мои формы вернулись. Талия снова стала тонкой, бедра округлыми, грудь полной, тело же окрепло от ежедневных тренировок, от часов, проведённых в репетициях под палящим солнцем или в холодных фургонах. Мышцы стали стальными, но гибкими, движения грациозными, как у пантеры, что крадётся в ночи, готовясь к прыжку.

Алый шёлк облегал мою фигуру, как вторая кожа, подчёркивая каждый изгиб, каждую линию, что я выстрадала в боли и радости материнства. Золотые монеты на бёдрах звенели при каждом шаге, создавая ритм, что эхом отдавался в сердцах зрителей. Полупрозрачная вуаль скрывала нижнюю часть лица, оставляя только глаза. Тёмные, загадочные, полные огня.

Маска из чёрного бархата с длинными перьями закрывала верх лица, делая меня загадочной красавицей, вышедшей из восточных легенд. Той, что подчиняет огонь своей волей. Это был мой номер, мой триумф, рождённый из пепла моей старой жизни. Он стал главным в репертуаре «Звёздных Бродяг», приносящим больше всего монет. Зрители платили двойную цену, чтобы увидеть Огненную Тень, женщину, что танцует с пламенем и не боится ожогов.

В руках у меня были цепи с зажжёнными огнями. Тяжёлые, с металлическими шарами на концах, пропитанными маслом, что горело ярко и жарко. Но они были послушны мне, как ручные звери. Я крутила их над головой медленно сначала, наращивая скорость, и пламя рисовало в воздухе огненные круги, шипя и искря, оставляя следы света в глазах зрителей.

Музыка Клары на скрипке, этот страстный восточный мотив с быстрыми, гипнотическими пассажами, сливалась с ритмичными ударами барабанов Лео, ускоряясь, подгоняя мой танец.

Я танцевала, подчиняя огонь себе. Кружилась, наклонялась, позволяя пламени лизать кожу рук, плеч, бёдер, но оно не жгло. Я научилась чувствовать его, как часть себя, как дыхание, как биение сердца. Это было не просто представление — это было моё освобождение, мой вызов миру, что пытался сломать меня.

Толпа ахнула громко, когда я пропустила цепь между ног, изогнувшись в мостике, и подбросила её высоко вверх, поймав на лету одной рукой, не прерывая танца. Женщины прижимали руки к груди, мужчины замирали с открытыми ртами.

Рядом, у края сцены, бегала моя маленькая Ария. Ей уже три года, волосы у моей девочки тёмные, как ночное небо, с лёгкими волнами, унаследованными от отца. Глаза, как золотые искры, что сияли, будто звёзды в ясную ночь, полные любопытства и озорства.

Она хохотала звонко, пытаясь поймать отблески огня пальчиками, её платьице, копия моего, но маленькое, с монетками, звенело в такт моим движениям, будто мы танцевали дуэтом. Труппа нянчилась с ней, как с принцессой из сказки. Каждый находил время, чтобы побаловать её.

Тин учила её метать кинжалы. Уже сейчас Ария попадала в мишень с трёх шагов, её маленькие ручки крепко сжимали рукоять, и она хвасталась, подбегая ко мне: «Мама, смотри, я как Тин! Попала в яблочко!»

Клара пела ей колыбельные по вечерам, её голос мягкий, как шёлк, убаюкивал Арию в фургоне. Лео показывал фокусы. Вытаскивал из её ушка монетку или превращал листок в бабочку, вызывая восторженный визг. Торн, этот молчаливый великан, носил её на плечах, как на троне, и она командовала: «Выше, дядя Торн!»

А Зира... Зира звала её только «внученька», с такой нежностью, что у меня сердце сжималось.

– Внученька, не бегай под ногами! – кричала она сейчас с края сцены, но глаза сияли любовью, а руки уже тянулись, чтобы подхватить Арию, если та споткнётся.

Зира шила ей платица, пекла пирожки с яблоками и рассказывала сказки у костра, где Ария засыпала у неё на коленях.

Ария была любимицей всех. Они баловали её сладостями, историями о далёких странах, игрушками. Без них я бы не справилась в те первые месяцы, когда Ария плакала ночами, а я была слишком слаба, чтобы встать.

Они стали нам семьёй. Настоящей, без интриг и предательств, без холодных глаз и жестоких слов. Это была любовь, чистая и безусловная, что исцелила мои раны глубже, чем время.

Я закончила танец.

Цепи замерли в моих руках, огонь угас с тихим шипением, оставив лишь лёгкий дымок, что поднялся к потолку, как вздох облегчения.

Зал взорвался громкими, восторженными аплодисментами, такими, что эхо отражалось от стен и возвращалось ко мне волной тепла. Мужчины вставали, женщины хлопали в ладоши, усыпанные кольцами, дети визжали от восторга.

Я поклонилась низко, грациозно, вуаль скрывала мою настоящую, широкую, полную гордости улыбку, но сердце пело громче любого зала. Это был мой момент. Заработанный потом, мозолями, часами тренировок под дождём и солнцем, когда Ария спала в фургоне, а я крутила цепи до крови на ладонях.

Это была моя жизнь теперь. Яркая, свободная, полная огня и смеха. Я научилась жить без цепей прошлого, без мраморных дворцов и золотых корон, что оказались клеткой. Я не променяла бы её ни на какие дворцы, ни на какую власть, ни на какую былую любовь. Здесь, среди фургонов и костров, среди друзей, что стали семьёй, я была живой. Настоящей. Сильной.

Но омрачало одно. Тёмная туча на горизонте: наш караван неумолимо двигался к столице. Гастроли вели нас туда, где ждали большие деньги. Грандиозные фестивали, полные залы, щедрые лорды, готовые осыпать монетами за чудо.

Артисты радовались, их глаза сияли: «В столице мы озолотимся!» Они видели возможность, богатство, славу.

Но я ненавидела это место всей душой. До тошноты, до дрожи в руках, до жжения в груди. Эти мраморные залы, холодные и величественные, где эхо моих шагов когда-то звучало как приговор. Интриги, что плелись в тенях, как паутина, липкая и ядовитая. Воспоминания, что жгли сильнее любого огня в моих руках.

Я не боялась Дариана.

Для меня он был мёртв. Похоронен глубоко в прошлом, под слоем боли и предательства. Я не хотела даже видеть его тень, дышать с ним одним воздухом, знать, что он существует в том же мире.

Он был ядом, что когда-то отравил мою жизнь, и я вырвалась, очистилась, возродилась в пламени. Если судьба столкнёт нас, а столица была его логовом, я пройду мимо, не дрогнув.

Он больше не имел власти надо мной. Ни капли.

Но мысль о том, что Ария, моя невинная, чистая Ария, может оказаться с ним рядом, вызывала во мне холодную, стальную, материнскую ярость. Я защищу её. От всего. Даже от отца, который не заслужил этого имени.

Развод с неверным драконом

Ксения Есенина

— Не нужно истерик, Лави. У меня был тяжёлый день, Мерзана скрасила мой вечер.

— И часто она... скрашивает твои вечера?

— Время от времени, — бесстрастно ответил муж.

Я погибла в своём мире совсем молодой, не успев познать ни любви, ни семейного счастья. И думала, что попала в настоящую сказку с прекрасным принцем, который стал моим мужем. Но когда приехала сообщить о своей беременности, то застала его с другой.

Мой мир рухнул, сердце разбито. Ну а муж... муж уверен, что всё нормально.

— Ты моя жена, и я не собираюсь разводиться с тобой. Ты родишь мне одарённых дочерей и, надеюсь, сильных сыновей. Это всё, что должно тебя заботить. Впредь не приезжай так внезапно, чтобы лишний раз не расстраиваться.

<https://litnet.com/shrt/anup>

Глава 17

После представления я вышла во двор особняка, где стояли наши ярко раскрашенные фургоны.

Ночь была прохладной, с лёгким морозцем, что щипал кожу после жара сцены, воздух пах дымом от угасающих факелов, смешанным с влажной землёй после недавнего дождя и далёким ароматом сосен из окружающего леса.

Луна висела низко, серебря своим светом капли воды на фургонах, делая их похожими на волшебные экипажи из сказок.

Арию уже увела в повозку Зира, чтобы укладывать. Время уже было позднее, да и дочь утомилась, бегая по сцене и собирая монетки, что бросали зрители в её маленькую корзинку.

Я сняла маску и вуаль, чувствуя, как влажные волосы прилипли ко лбу и шее от пота, и глубоко вдохнула свежий воздух. Руки ещё дрожали от адреналина, ладони горели от цепей, но это была приятная усталость.

– Великолепно сегодня, – низким голосом тихо произнёс Лукас, выходя из тени фургона.
– Ты была... как всегда. Неповторимая.

Я обернулась и смущенно улыбнулась.

– Спасибо.

Лукас появился в труппе год назад. В дождливый вечер в одном из приграничных городков, когда его лошадь заболела, а он сам, хромя от старого ранения, попросил приюта на ночь.

Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, что падали на лоб непослушными прядями, часто скрывая его задумчивый взгляд, и глазами цвета осеннего леса. В этих глазах всегда была тихая грусть, как у человека, который видел слишком многое и потерял веру в старые идеалы.

Бывший стражник императора, он ушёл со службы после тяжёлого ранения в битве с волками. Той самой, что произошла на границе, когда оборотни ещё были врагами, а не внезапными союзниками.

Тогда, в лазарете, с лихорадкой и болью в разорванном бедре, он понял одну очень важную вещь, которую и сказал мне однажды у костра:

– Я проливал кровь за империю, верил, что защищаю свой дом. А потом в один миг враги стали друзьями. За что я дрался? За кого рисковал жизнью?

В голосе его сквозила горечь, глубокое разочарование, что сломали его веру в присягу. Он не винил никого конкретно, но это ранило его сильнее шрама. Лукас потерял смысл, за который сражался годы.

Шрам на бедре до сих пор давал о себе знать в холодные ночи, заставляя чуть заметно хромя. Это была лёгкая, почти незаметная хромота, что проявлялась, когда он уставал или когда ветер дул с севера.

Лукас никогда не жаловался, просто морщился иногда, потирая ногу у костра. Но я видела, как он иногда замирал, глядя в огонь, и знал, что это не только физическая боль.

Он никогда не рассказывал деталей тех битв, но я видела в его глазах тени прошлого. Усталость воина, что видел слишком много крови, слишком много смертей, слишком много предательств. Это делало его молчаливым в моменты, когда другие смеялись громче, и очень заботливым.

Он всегда первый вставал, чтобы помочь, будто искупая то, что не мог изменить. Его сила была не в громких словах, а в тихих поступках. В том, как он чинил фургон под дождём, не жалуясь, как нёс Арию на плечах, когда она уставала, как смотрел на меня с теплом чуть дольше, чем нужно было.

С тихим восхищением улыбался, когда я танцевала, и его глаза говорили больше, чем слова. Это была забота, полная уважения и чего-то глубокого, невысказанного. Симпатия, что теплилась, как угли в костре, готовая вспыхнуть, но он держал её в узде, не давая, не требуя.

И это трогало меня глубже, чем я готова была признать, но сердце моё оставалось закрытым, охраняя себя и Арию от новой боли.

– Надень, – Лукас протянул мне тёплую шаль. – Ночь холодная, а ты вся разгорячённая от танца.

Пальцы его на миг коснулись моих, передавая ткань, и это прикосновение было таким осторожным, будто он боялся спугнуть птицу.

Я взяла шаль, но не накинула, просто держала в руках.

– Спокойной ночи, – сказала тихо, не поднимая глаз, и повернулась к фургону.

Сердце сжалось от чувства вины и усталости. Он заслуживал лучшего, чем моя холодность. Чем моя стена из льда, что я возвела вокруг себя после всего, что пережила.

Но не могла я иначе.

Сердце моё заморозилось в тот день, когда Дариан вышвырнул меня, как ненужную вещь, и с тех пор лёд не таял. Ни от тепла костров, ни от смеха друзей, ни от тихой заботы Лукаса.

Я боялась. Боялась снова довериться, снова открыться, снова почувствовать боль, что разорвёт на части. Любовь когда-то была моим огнём, но она сожгла меня дотла, оставив только пепел и шрамы. Я не хотела рисковать снова.

Дочь была моим миром, моей отдушиной, моим спасением. Любовь к ней была чистой, без боли, без предательства. Она не требовала ничего, кроме моего сердца, и я отдавала его полностью, без остатка.

Её крошечные ручки, обнимающие меня по утрам; её смех, звонкий, как колокольчик; её глазки, полные доверия — это было всё, что мне нужно, чтобы дышать, чтобы жить, чтобы танцевать и не бояться.

Внутри фургона Ария спала свернувшись калачиком под одеялом. Я легла рядом осторожно, чтобы не разбудить и обняла её.

Это было всё, что мне нужно. В такие моменты мир сужался до нас двоих, и боль отступала, оставляя только покой.

Лукас был хорошим. Надёжным. Заботливым.

Может, стоило хотя бы рискнуть?

Попробовать позволить себе что-то чувствовать.

Стать вновь любимой. Желанной. Почувствовать, как чьи-то сильные руки обнимают тебя не для того, чтобы удержать в клетке, а чтобы ты могла дышать свободно.

Узнать, каково это — просыпаться не в одиночестве, а с ощущением, что рядом кто-то, кто не уйдёт, не предаст, не назовёт тебя «пустой».

Может, это было бы спасением. Может, это было бы жизнью.

Но как же это страшно...

Страшно до дрожи в костях, до холодного пота, до того, как горло сжимается от одной мысли.

Страшно не потому, что я не верю Лукасу. А потому, что я больше не верю себе.

Не верю, что могу снова полюбить. Что достойна быть любимой. Что мир может быть добрым.

Я уже однажды открыла сердце. Широко, без остатка, до самого дна.

И оно было раздавлено, растоптано, разорвано на куски словами одного дракона.

Я помню, как стояла на коленях среди разбросанных вещей, чувствуя, как мир рушится, а он смотрел на меня холодными, чужими глазами.

Помню вкус крови на губах от прикушенной губы, когда пыталась не закричать.

Поэтому я боюсь.

Боюсь снова почувствовать тепло, потому что знаю, как быстро оно может стать пеплом.
Боюсь снова довериться, потому что знаю, как больно падать, когда опора исчезает.
Боюсь, что если позволю себе полюбить, то однажды опять услышу: «Ты мне не нужна».
И на этот раз не встану.

Поэтому я держу дистанцию.

Даже когда хочется просто прижаться к Лукасу и сказать: «Я устала быть одной».

Развод с драконом. Бракованная жена генерала

Зоя Кресак

– Ты бесплодна, поэтому я выберу себе новую жену.

Это было первое, что я слышала, когда очнулась в другом мире. А потом генерал-дракон и мой муж сослал меня в Забытую долину, как поломанную игрушку!

Вот только я не собираюсь тихо умирать в неволе. Я покажу этому наглому красавцу, что я – не его покорная бывшая жена.

<https://litnet.com/shrt/j4s1>

Глава 18

Дариан

Я сидел за тяжёлым дубовым столом в личном кабинете Тирона, ковыряя пальцем в кучке фишек из драконьей кости.

Зал был полутёмным, освещённый лишь факелами в железных держателях на стенах. Их пламя дрожало, отбрасывая длинные, пляшущие тени на гобелены с битвами против Ледяных Драконов

Сцены, где я когда-то был в центре, с мечом в руке и огнём в венах. Теперь эти изображения казались насмешкой. Герой, что победил врагов, но проиграл самому себе.

Три года прошли с тех пор, как Полли исчезла, или, как я теперь знал с горечью, что жгла хуже драконьего пламени, умерла. Три года, что превратили меня в тень самого себя.

Я стал хмурым, как вечная грозовая туча над Пепельными Пустошами, жестоким в приказах, солдаты боялись моего взгляда больше, чем врага, флегматичным к чужим болям, потому что своя была слишком велика, и саркастичным.

Сарказм стал моим щитом: лучше уж ранить словом, чем показать, как внутри всё выжжено дотла.

Аппетита не было. Еда казалась пресной, как пепел после пожара. Сон был редким гостем, приходил урывками, полным кошмаров о её глазах, полных слёз, и моём собственном рыке: «Пустая».

Дракон внутри рычал на всех, кто попадался под руку. На слуг, на советников, на Тирона в редкие моменты слабости.

Вино не приносило облегчения. Пил я много, но опьянение было пустым.

Женщины... они удовлетворяли лишь физическую потребность. Холодную, механическую, без тепла, без связи. Я брал их, чтобы забыть на час, но просыпался с ещё большей пустотой, ненавидя себя за то, что сравниваю каждую с ней.

Служба и походы больше не радовали, как раньше. Битвы стали рутиной, победы — пылью, а власть — тяжёлым бременем, что давило на плечи, но не заполняло дыру в груди.

Мы играли в "Драконий Гамбит" — игру для настоящих мужчин, где ставки были высоки, как полёт дракона над пропастью.

Карты из толстого пергамента с древними рунами: "Огненный Вихрь" — для атаки, "Ледяной Коготь" — для защиты, "Теневая Чешуя" — для обмана.

Каждый круг — комбинация, чтобы перехитрить оппонентов, ставки росли быстро и безжалостно: золото из казны, редкие артефакты с южных рынков, услуги вроде "отправиться за меня в пограничный патруль" или "отдать свой лучший меч, выкованный в Пепельных Кузнях".

Проигрыш мог стоить репутации или даже крови, но мы играли по-честному, среди своих.

Я всегда выигрывал. Холодный расчёт, отсутствие жалости и пустота внутри делали меня королём стола. Непобедимым, как в былые битвы. Я видел их карты в глазах, предугадывал ходы, и фишки переходили ко мне, как трофеи.

Напротив меня сидел Тирон — император, мой старый брат по оружию, теперь с уставшими глазами от бессонных ночей и вечных забот. Элина, его жена, была на седьмом месяце, и он то сиял, как новорождённый дракончик при первом полёте, то жаловался, как мальчишка, которому запретили играть с огнём.

Рядом — Максимус, генерал Северного Легиона, высокий чин, дракон чистой крови с родословной старше империи.

Черствый, как сухарь из походного пайка, жесткий, как его хватка в бою. Он ломал врагов и не жалел пленных.

После смерти жены от тяжёлой болезни, что унесла её оставив его с новорождённой дочерью, он стал отцом-одиночкой.

Воспитывал свою непоседу-дочь, с железной дисциплиной, но в редкие моменты слабости я видел, как он смотрит на неё. С такой скрытой нежностью, что это трогало даже мою выжженную душу.

Он нёс службу безупречно, сосредоточившись на легионе, и совершенно потерял интерес к женщинам.

– Они приносят только боль, – рычал он, отмахиваясь от предложений совета жениться заново.

Мы трое, двое брюзжащих одиночки, что потеряли вкус к жизни, и один счастливый семьянин, что пытался не сойти с ума от жены и будущего ребёнка, собирались раз в неделю в этом кабинете, чтобы забыть о делах империи хоть на вечер.

Напитки лились рекой, карты летали, шутки были грубыми, но это было наше убежище. Последнее место, где я мог притвориться, что ещё жив.

– Твоя очередь, Дариан, – буркнул похожий на огромного медведя Максимус, сбрасывая "Ледяной Коготь" с таким грохотом, будто это был не пергамент, а настоящая ледяная глыба. Его лапища хлопнула по столу, фишки подпрыгнули. – Или ты опять в своих мыслях летаешь? Ставлю свой кинжал — тот, с рунами.

Я фыркнул саркастично, кидая "Огненный Вихрь" с лёгким презрением. Карта легла идеально, перекрывая его комбинацию.

– Кинжал? Ты ж его в подарок от императора получил. Помнишь, как хвастался: "Это за мою храбрость!" Жалко не станет?

Максимус оскалился, его зубы блеснули в свете факелов, но в глазах мелькнула тень раздражения. Он был огромен, как скала, с бородой, что скрывала половину лица, и руками, способными сломать шею врагу одним движением.

– Меня наш император ещё наградит, – проворчал он, наливая себе вина из кувшина так, что пена перелилась через край. – А ты, Дариан, смотрю, всё жмёшься, как старый скряга. Ставь что-нибудь стоящее, или боишься проиграть?

Тирон рассмеялся, но смех был усталым. Он потёр виски пальцами, откинувшись в кресле, что скрипнуло под его весом. Его глаза, когда-то полные огня, теперь часто туманились от недосыпа.

– Оставьте кинжалы в покое, генералы, – сказал он, задумчиво вертя кубок в руках. – Элина меня доконает раньше, чем вы друг друга. Вся уши прожужжала про этих артистов — "Звёздные Бродяги", или как там их. Они в столицу едут, и она требует, чтобы я их во дворец пригласил. Особенно какую-то "Тень" — танцует с огнём, мол, как богиня сошедшая с небес. Беременность — это тяжёлое испытание, мужики. Она мною вертит, как хочет: то фрукты в три ночи, то "пригласи артистов, или я умру от скуки".

Я хмыкнул, флегматично перетасовывая карты.

– Женщины... – протянул с насмешкой. – Одна танцует с огнём, другая — с твоим сердцем и империей в придачу. Кончится тем, что твоя Элина родит драконёнка, а ты будешь нянчить его по ночам, пока она управлять страной будет. Ставлю свой перстен, тот, с рубином из южных копий. Проиграешь, и будешь носить его на мезинце. Больше он тебе никуда н налезет.

Максимус загоготал, хлопнув по столу так, что фишки подпрыгнули.

– Ха! Дариан прав, как никогда! – прогремел он. – Моя Нинель — девчонка, а уже вертит мной, как хвостом! Вчера поймала мышь в саду и принесла в дом: "Папа, это мой питомец! Он милый!" Я её выгнал с ним на улицу, а она ревёт, как сирена. Что вы думаете? Теперь эта

пакость живёт у нас на диване, жрёт лучше меня и спит на моей подушке! Женщины — беда с пелёнок.

Тирон вздохнул, но улыбнулся.

– Женщины — это прекрасно, – не согласился он с нами. – Не всем же, как вам, не повезло остаться в одиночестве. Ладно, генералы, давайте закругляться. Завтра совет, волки хотят что-то обсудить, а потом... Приглашу я этих артистов во дворец. Пусть Элина порадуется. Может, и нам развлечение. Хоть на час забудем о политике.

Я кивнул флегматично, собирая выигрыш. Но внутри дракон зарычал тихо, злобно. Артисты? Тень с огнём? Глупости какие. Женские прихоти.

Развод с драконом. Хозяйка заброшенной оранжереи

Алёна Снежина

~БЕСПЛАТНО~

– Не строй из себя идиотку, – отрезал резко генерал. – Ты прекрасно знаешь, о чём я. Ведь я так и остался бронзовым. Ваша кровь, кровь древних магов, оказалась бесполезной. Меня обманули. А ты... ты просто пустышка. Никчёмное, никому не нужное отребье, которое сплавляли подальше от дома. И твой отец поплатится за свой обман.

*** **

Однажды утром я проснулась в чужом теле — в теле нелюбимой жены генерала-дракона. Родные насильно выдали замуж за него. Генерал презирает её и называют пустышкой.

Но я — не она.

В своём мире я привыкла решать проблемы, а не рыдать в подушку.

Пусть он сослал меня в эту богом забытую глушь — я не только выживу. Я превращу это изгнание в свою победу. А потом ещё и потребую развод.

<https://litnet.com/shrt/5rUv>

Глава 19

Полиана

Я усиленно репетировала на импровизированной сцене во дворе постоянного двора, где мы остановились на окраине столицы.

Солнце медленно садилось за высокие башни императорского замка, окрашивая их в кроваво-красный, как будто напоминая о прошлом.

Цепи с огнём в руках казались тяжёлыми, как никогда. Они выскальзывали из пальцев, пламя чадило, а не танцевало. Я крутила их над головой, пытаюсь поймать ритм, но всё, как назло, валилось из рук.

Один шар упал, шипя на земле, и я выругалась под нос. Репетиция шла из рук вон плохо. Руки дрожали, мысли путались, а вид замка, возвышающегося на холме, как тёмная громада, раздражал до зубовного скрежета.

Эти стены и башни были символом всего, что я ненавидела: предательства, боли, потери. Я лучше бы и дальше колесила по империи, от деревни к деревне, от ярмарки к фестивалю, вдыхая пыль дорог и смех простых людей, чем торчала здесь, в этом ненавистном месте, где каждый камень шептал о пережитой боли и унижении.

Сердце сжималось от злости и страха. Три года я строила новую жизнь. А теперь?

Столица тянула меня назад, как паутина, и я чувствовала, как старые раны ноют. Я не хотела вспоминать прошлое. Но судьба, видно, решила иначе.

Всё это время за мной наблюдал Лукас. Сидел на бревне у фургона, чинил цепь для Тин, но глаза его были прикованы ко мне.

Он всегда чувствовал моё настроение, чутко считывал мой настрой.

Я никогда не рассказывала ему о Дариане, о том, как меня вышвырнули, как я бежала беременной, как связь оборвалась в ночь родов. Не спешила раскрывать душу. Не хотела, чтобы он знал эту часть моей биографии.

Я уронила цепь в третий раз. Тяжёлый металлический шар ударился о пыльную землю с глухим стуком, пламя погасло, шипя и оставляя тонкую струйку дыма, что поднялась в воздух, как вздох разочарования.

Вновь тихо, но злобно выругалась. Слова, что вырвались, были грубыми, не подходящими для матери, но в этот момент мне было всё равно. От злости на себя, на дрожащие руки, на этот проклятый замок вдали, слёзы жгли глаза, горячие и непрошенные.

Лукас встал с бревна, где сидел, чиня реквизит, и не спеша подошёл. Нагнувшись, поднял цепь, отряхнул пыль с шаров и подал мне, наши пальцы на миг соприкоснулись.

– Полли, – произнес он мягко. – Что-то случилось? Ты сама не своя сегодня.

Я взяла цепь, но не ответила сразу, глядя на замок. Лукас шагнул ближе, сокращая расстояние. Сильные, мозолистые от работы с фургонами пальцы нежно убрали прядь волос с моего лица,правляя её за ухо.

Это было нежно, почти интимно. Прикосновение лёгкое, как перышко, но полное тепла, что проникало сквозь кожу. Я замерла, чувствуя, как его тепло задерживается на щеке, как сердце пропускает удар от этой простой заботы.

Он долго смотрел мне в глаза. В его взгляде была и сила воина, что прошёл через битвы, и уязвимость, редкая для мужчины. Как будто он знал, что я оттолкну, что моя стена из льда высока, но всё равно рисковал, открываясь шаг за шагом.

– Я оказался здесь только из-за тебя, – прошептал он, не отводя глаз, его голос стал ещё тише. – Увидел тебя раз, в том маленьком городке у реки, с огнём в руках, как будто ты сама пламя, яркое, неукротимое, живое. Ты танцевала, и мир вокруг исчез. Я пошёл за тобой, как

за светом в темноте. Ты светишь, Полли. Не просто танцуешь с огнём. Ты и есть огонь. И я... я не могу отвести глаз.

Душа болезненно сжалась, от трогательности момента, от его честности, от того, как он открывался, не требуя ничего взамен, не давая. Его глаза были полны той невысказанной симпатии, что теплилась уже год. Тихой, терпеливой, как река, что точит камень.

Я хотела ответить, сказать спасибо, или что-то еще, но слова застряли в горле, как ком. Вместо этого я просто стояла, чувствуя, как его тепло проникает сквозь лёд, что я возвела вокруг сердца, медленно, но верно, давая крошечные трещинки.

Его прикосновение и слова были милыми, волнующими.

– Полли! – раздался радостный крик Тин, звонкий и полный возбуждения, и трогательный момент с Лукасом лопнул, как мыльный пузырь, оставив лишь лёгкое тепло на щеке от его прикосновения и тихий отголосок его слов в сердце.

Тин подбежала, растрёпанные волосы развевались, в руках она размахивала пергаментом с императорской печатью, красной восковой драконьей лапой, что сияла в лучах заходящего солнца. Её глаза сияли ярче любого огня, полные детского восторга и гордости за нашу трупку.

– Ты не поверишь! – выпалила она, чуть не подпрыгивая на месте. – Нас пригласили на императорский ужин! Прямо в замок! Они слышали о "Звёздных Бродягах"! И хотят нас во дворе! Представь себе: грандиозный зал, столы с яствами, лорды в шелках, а мы — в центре! И они щедро платят!

Она замерла внезапно, увидев моё лицо и опомнилась, её восторг угас, сменившись тревогой и пониманием.

– Если ты против... – произнесла она тише, опустив пергамент. – Мы откажемся. Только тебе решать, пойдём или нет.

Я сглотнула ком в горле и заставила себя улыбнуться.

– Мне всё равно, где выступать, – сказала я спокойно. – Главное, чтобы платили хорошо.

Но внутри думала совсем другое. Чёрный бархат с перьями спрячет глаза и шрамы души. А вуаль скроет лицо.

Огонь будет моим щитом. Ярким, неукротимым, что ослепит любого, кто посмеет подойти ближе. Я не позволю прошлому приблизиться. Не к себе. Не к Арии. Мы выступим, возьмём золото и уедем. Столица не сломает меня снова.

В этот момент на шум прибежала Ария. Маленькие ножки топтали по пыли, платье звенело монетками, глазки сияли любопытством.

Лукас, стоявший неподалёку, подхватил её на руки одним легким движением и закинул на плечи, как на трон. Ария завизжала от радости, вцепившись в его волосы:

– Выше, дядя Лукас! Выше!

Он засмеялся низко, тепло, и отправился помогать Зире с ужином, неся Арию, как сокровище. Я наблюдала за ними, за его широкой спиной, за её хохотом, и на миг сердце потеплело.

Глава 20

Дариан

Я шёл на этот ужин с неохотой. Зал был полон до отказа. Дамы в шелках всех оттенков радуги, лорды в расшитых камзолах, увешанных орденами и драгоценностями. Воздух был густым, почти удушающим от приторных духов и той лжи, что всегда витала в дворцовых залах. Улыбки, скрывающие интриги, комплименты, полные яда.

Я развалился в кресле у края главного стола. Не рядом с Тироном, где положено по рангу, а в тени, подальше от света люстр. Ноги вытянул под столом, сапоги упёрлись в ножку соседнего стула, в пальцах лениво крутил кубок с напитком.

Представление? Шуты в пёстрых костюмах прыгали по сцене, как блохи на горячей сковороде. Фокусник вытаскивал голубей из рукавов, силач гнул железо с наигранными стонами, музыканты терзали струны, выдавая какофонию под видом мелодии.

Я не смотрел. Зачем? Пустая трата времени.

Максимус сидел рядом, его медвежья фигура занимала пол-стола. Он жрал мясо с ножа, как будто мстил оленю за все обиды жизни. Его цепкий и внимательный взгляд скользил по залу с привычным презрением.

– Ну и морда у тебя, Дар, – буркнул он, вытирая рот салфеткой и отпивая вино прямо из кувшина. – С такой надо дома сидеть и на улицу не выходить. Пугаешь дам. Они уже шепчутся, что ты призрак из Пепельных Пустошей.

– Морда? – протянул лениво. – Лучше честная хмурая рожа, чем твоя медвежья ухмылка, от которой дети в слезы. А дамы... пусть шепчутся. Мне их визги не нужны. Ставлю свой кинжал, что следующий номер — это какая-нибудь девка с веером или в прозрачном шелке, и все эти благородные леди взвизгнут от восторга, а их мужья будут пускать слюни, притворяясь, что смотрят на "искусство".

Максимус загоготал так, что зал на миг затих. Смех у него был грубым, раскатистым, как гром в горах. Он хлопнул меня по плечу лапищей, от которой у обычного человека кость бы треснула, но я даже не дрогнул.

– Ха! Ты прав, как всегда, старый циник! – прогремел он, отрывая ещё кусок мяса. – За здоровье Тирона, чтоб его жена родила скорее и перестала нас мучить своими прихоти!

Он поднял кубок, и я чокнулся с ним лениво.

Элина и остальные дамы действительно были в полном восторге. Визжали, как девчонки на ярмарке, хлопали в ладоши, усыпанные кольцами, и шептались, краснея, о "талантах" силача или "грации" акробатки.

Их глаза сияли, щёки горели румянцем от возбуждения, а веера трепетали, как крылья бабочек. Тирон сидел рядом с Элиной, держал её за руку и улыбался той глупой, счастливой улыбкой идиота, в которого превратился великий император. Он шептал ей что-то на ухо, она хихикала, прижимаясь к его плечу, и я отвернулся, чувствуя, как дракон внутри зарычал тихо от тоски.

Вдруг свет погас. Факелы потухли разом, как по команде невидимого мага, зал утонул в абсолютной темноте, лишь слабое мерцание от камина в углу давало намёк на очертания.

Тишина на миг повисла тяжёлая, прерываемая лишь шорохом платьев и удивлёнными вздохами. А потом барабаны забили гулко, отдаваясь в груди, как удары сердца. Тяжёлые, ритмичные, вибрирующие в рёбрах, в венах, в самом сердце. Это был не просто ритм — это был зов, первобытный, что будил кровь, заставлял мурашки бежать по коже.

Ведущий, тощий тип в пёстром плаще с колокольчиками, что звенели при каждом движении, вышел в круг света от единственного луча света, его голос был театрально громким, с наигранным пафосом:

– Дамы и господа! Встречайте Повелительницу пламени! Тень, что танцует с огнём и заставляет его плясать под свою дудку!

И в центр зала вышла... она. Грациозно, как хищница, что знает свою силу.

Дыхание перехватило, как будто железный кулак врезал в солнечное сплетение, выбивая воздух из лёгких.

Тело у нее идеальное, грациозное, выточенное, как статуя богини, с изгибами, что манили, как запретный плод. Талия тонкая, бедра округлые, грудь высокая, всё в движении, полном силы и соблазна.

Костюм на грани дозволенного. Алый шёлк облеплял фигуру, как вторая кожа, прозрачный в местах, где свет падал правильно, золотые монеты на бёдрах и поясе звенели мелодично при каждом шаге, вуаль и маска из чёрного бархата с длинными перьями скрывали лицо полностью, оставляя только глаза...

Тёмные, загадочные, полные огня и тайны. Но не лицо манило меня. Огонь в ее движениях, в каждом повороте, в каждой линии тела.

Она танцевала с тяжёлыми цепями с шарами на концах, что горели ярко, шипя и искря, оставляя следы света в воздухе. Крутила их над головой, между ног, вокруг тела, изгибалась, как змея, позволяя пламени лизать кожу рук, плеч, бёдер, живота, но оно не жгло, подчинялось ей полностью, как ручной зверь.

Дракон внутри не завыл от тоски, как всегда, а он взревел от желания. Жгучего, первобытного, животного, как в юности, когда кровь кипела от одной мысли о женщине.

Впервые за три года внутри всё горело не от боли потери, а от жажды обладать ею, сорвать маску, приблизиться, почувствовать это тепло на своей коже, вдохнуть её запах, услышать её голос.

Весь мир потерял смысл — лорды, дамы, Тирон, Максимус, империя — всё исчезло. Только она, её движения, её огонь, что манил и жёг сильнее любого пламени.

Я подался вперёд в кресле, жадно следя за каждым поворотом бёдер, каждым изгибом спины, каждым всплеском пламени — кто она? Почему тело реагирует так, как будто знает её? Почему дракон рычит "моё"?

Музыка затихла резко, свет погас полностью и зал утонул в темноте, лишь эхо аплодисментов и вздохов.

Я сорвался с места, рванул через зал, расталкивая гостей локтями, не извиняясь, дракон рычал внутри, требуя громко, неумолимо: "Найти. Взять. Моё". Зверь рвался наружу, глаза горели золотом, когти проступали под кожей. И я не мог уже остановиться.

Варианты образа Полианы:

Глава 21

Полиана

Я стояла за ширмой, в тесном закутке за сценой, где воздух был густым от дыма и пота артистов. Дыхание вырывалось часто, прерывисто, как после бега от погони. Грудь вздымалась, сердце колотилось так, будто хотело проломить рёбра.

Руки дрожали, цепи с огнём ещё не остыли, их тепло жгло ладони, но я не чувствовала боли. Всё тело горело от адреналина танца. Но сердце заходило не только от этого.

Оно разрывалось от вида знакомых лиц в зале. Тех, кого я знала по старой жизни, по дворцовым интригам, по фальшивым улыбкам и шепотом за спиной. Они сидели там, в первых рядах, в шелках и драгоценностях, и не догадывались, кто для них танцевала.

Большая часть из них напыщенные леди с поджатыми губами и лорды с презрительными ухмылками, скривили бы носики и высказала бы презрение: "Уличная девка, пляшет за монеты!"

Они бы фыркнули, отвернулись, шепча: "Как низко пала бывшая жена генерала".

Остальная часть, те немногие, кто когда-то притворялся друзьями, поразились бы таким скрытым талантам: "Кто бы подумал, что в Полиане таится такая страсть!"

Они аплодировали Тени, не зная, что это я — Полиана, которую списали в монастырь, а после и в могилу.

Но самое неприятное было видеть Дариана в зале. Он развалился в кресле, как король на троне, с щетиной на щеках, что делала его похожим на разбойника, а не на генерала.

Глаза холодные, пустые, и он смотрел на меня как на уличную девку: с ленивым интересом, с хищным блеском, что говорил "интересная игрушка".

От моего мужа в нем ничего не осталось. Ни той нежности, с которой он целовал мои ладони, ни той силы, что защищала меня. Только оболочка.

Я закрыла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.